

ДЖОН СОУЛ

DD
HORROR

Возвращение ДОМОЙ

Джон Соул

Возвращение домой

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Соул Д.

Возвращение домой / Д. Соул — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1994

ISBN 978-5-9524-6707-1

Надежда обрести счастье в новом браке, создав большую дружную семью, обернулась кошмаром для Карен, ее мужа и детей. Сначала едва не умерли, ужаленные пчелами, маленькая Молли и ее сестра Джули. Обоих спас препарат, изобретенный энтомологом Карлом Хендерсоном. Но пчелиный рой продолжал разрастаться, казалось, от этих насекомых нет спасения, они кружили над фермой, проникали в дом, а главное — стали странным образом воздействовать на поведение детей...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6707-1

© Соул Д., 1994

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1994

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	31
Интермеццо	40
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джон Соул

Возвращение домой

Copyright © 1994 by John Saul

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление ООО «Гермес Букс», 2026

Предисловие

Дон

– Признайся, детка, ты ведь тоже хочешь меня?

Дон Сандерсон замерла у полуоткрытой кухонной двери. Элвис Дженкс, любовник ее матери, сидел за кухонным столом, склонившись над открытой пивной бутылкой. Покрасневшие глаза были верным знаком, что бутылка не первая, а возможно, даже не третья. Но не покрасневшие глаза напугали Дон, к этому она привыкла настолько, что почти не замечала. Страшен был похотливый взгляд налитых кровью, узких, как щелки, глаз, который буквально раздевал ее.

Она мысленно оборвала себя, ужаснувшись, что он догадается и подумает... Что?

Что он ей нравится?

Дон знала: он выпивоха, а может, еще и псих?

С чего бы это он мог подумать, что нравится ей? И как такой подонок мог пригласиться ее матери! Постоянно грязные волосы и ногти, и к тому же от него так несло! И не только из-за пива, которое он всегда пил.

Похоже, он никогда не мылся.

И Дон знала, что это должно было случиться. Вот уже два месяца, с тех пор как ей исполнилось шестнадцать, он все время пилился на нее, думая, что она не замечает. Она даже сказала матери, но та не поверила. «Не поверю, – говорит, – пока сама не увижу». Как же, увидишь ты! Элвис не дурак. И когда Мэвис Сандерсон была дома, он вроде даже и не замечал ее дочь.

А вот сегодня, когда мать была на работе, Элвис пилился на нее совсем по-другому. Настолько по-другому, что Дон дрожь пробирала от страха. Чувствуя, как тяжело колотится сердце, она стала пятиться из кухни, но ноги плохо ее слушались.

Чувствуя ее испуг, Элвис Дженкс вскочил из-за стола и кинулся к ней, скривив губы в издевательской усмешке.

– Да не дрожи ты, – прошептал он слюнявым ртом. – Я же вижу, что тебе хочется не меньше моего. – Слова с трудом вырывались из его пересохшей глотки. – Ну что? Здесь или в мамкиной спальне?

Дон пятилась от него на подгибающихся ногах, но Дженкс был быстрее. Жилистые пальцы так вцепились в ее руку, что она невольно вскрикнула от боли.

Но крик еще больше возбудил его, и грязные ногти глубже вонзились в ее кисть. Дон мысленно выругалась. Молчала бы, глядишь, он и отстал.

Но боль была невыносимой, так ведь и руку сломать можно!

– Боже, боже, боже. – Дон изо всех сил стискивала зубы, чтобы не закричать. Ей так хотелось завизжать во всю мочь от боли и ужаса!

Но кто придет на помощь? Дом через улицу пустовал, а жители домов по соседству все были на работе. И вообще, люди здесь так часто орали и визжали, что никто на это не обращал внимания. Так что даже если кто-то и услышит, это ничего не изменит. Элвис от всего отопрется, и мать, понятно, ему поверит.

Так что причитать бесполезно.

Элвис растегнул ее блузку, и Дон почувствовала, как его грязная рука коснулась груди. И это прикосновение взбесило ее, дав волю обиде, копившейся с тех пор, как мать привела Дженкса в их дом. Обида и ненависть удесятерили ее силы. Вырвав руку, она вlepила ему оглушительную пощечину. От неожиданности Элвис отпустил ее.

Дон выскочила через заднюю дверь, не дав ему перехватить себя, не оглядываясь и не останавливаясь, и бежала, пока дом не скрылся из вида.

Хотя решение еще не оформилось окончательно, Дон уже точно знала, что делать. Она направилась к торговому центру в десяти кварталах от их дома, где находился банкомат, чтобы забрать свои деньги, которые накопила за год, подрабатывая приходящей няней. Она поняла, что это решение медленно, но верно зрело в ней уже месяцами.

Это не было решение, принятое в сердцах или из желания досадить матери. Дон неплохо училась в школе, избегала мутных компаний, не приобрела дурных привычек. Она просто не хотела, чтобы ее изнасиловал этот подонок, была уверена: если останется, это неминуемо произойдет.

Так что лучше спокойно уехать и начать собственную жизнь. Дон знала, что делать, – знала уже давно. Она хотела поехать в Голливуд, брать там уроки актерского мастерства и стать актрисой. Не звездой – просто актрисой. Она была совершенно уверена, что у нее все получится. Она участвовала в школьной самодеятельности в этом году и в прошлом тоже, и все говорили – у нее здорово получается.

При удаче и должной подготовке она добьется успеха, достаточного, чтобы зарабатывать на жизнь.

Стоя перед банкоматом и взяв денег, только чтобы хватило на еду, пока она будет добираться автостопом до Лос-Анджелеса, Дон Сандерсон мысленно была далеко от родного Лос-Баноса и уже строила планы на будущее. К тому времени, когда она оставила Лос-Банос, направляясь к автостраде в десяти милях на запад, ее планы уже определились. Она найдет маленькую квартирку, работу, а свободное время будет проводить за учебой в актерской студии и в средней школе, чтобы получить аттестат зрелости.

Все ускоряя шаг, как бы пытаясь угнаться за своими мечтами, Дон шагала по обочине шоссе, не замечая времени. Уже начинало темнеть, когда она приблизилась к бетонной безликой реке автострады, убегаящей прямо на юг по долине к горизонту.

Стоит ли сразу ловить попутную машину в быстро сгущающихся сумерках?

Нет.

Лучше подождать до утра. Так безопасней.

Уж если Элвис Дженкс не смог ее изнасиловать, она не попадется на удочку первому встречному.

Казалось, прошла целая вечность, пока наконец начало рассветать. Небо было ясным, но звезды, которые мерцали на нем всю ночь, быстро исчезали с отступлением ночной темноты, и вот осталась всего одна – утренняя звезда.

Дон, не отрываясь, смотрела на нее, чувствуя с ней какую-то странную непонятную связь, пока звезда не растворилась в сиянии нового дня.

Только после ее исчезновения Дон подумала, что это добрый знак.

Все-таки это было первое утро ее новой жизни, и с рассветом она поняла, что все ночные страхи, обступившие ее прошлой ночью, когда она пыталась заснуть под мостом автострады, остались позади.

Дон так и не смогла отдохнуть за эту ночь, просыпаясь от каждого звука, то от воя койотов, то от грохота грузовиков, и, глядя в огромное небо, она пыталась побороть страх перед окружавшей ее темнотой и таившимися в ней невидимыми существами.

Демоны ночи, казалось, были так близко, что стоило только протянуть руку, чтобы коснуться их.

И вот теперь, пережив темную, тревожную ночь и глядя на утреннюю звезду, она верила, что все наладится. И у нее будет не только новая жизнь, но и новое имя!

Дон Морнингстар.

Так ее будут звать в Голливуде.

Дон потянулась, разминая затекшие мышцы, и встала. Она была голодна, но в этой части автостреды перекусить было негде, да и не хотелось тратить деньги на завтрак.

Это был еще один из страхов, который преследовал ее всю ночь. А что, если ее счета в банке, казавшегося таким большим еще вчера, не хватит даже на оплату квартиры? Что тогда делать?

Она решительно выкинула эту мысль из головы и отряхнула одежду от пыли и травинки. С чего начать? Искать попутную машину или место, где умыться? Решение пришло само, когда она поняла, что машин на автострате практически нет.

Подгоняемая голодом, Дон направилась на юг. Вдалеке она увидела что-то похожее на автозаправку, где можно умыться, почиститься и выпить чашку кофе, чтобы дотянуть до обеда.

А может, позволить себе булочку?

Дон была еще в миле от заправки, когда услышала, как позади притормаживает машина. Она обогнала ее и остановилась на обочине. Когда Дон поравнялась с ней, из машины вышел мужчина.

– Все в порядке? – спросил он.

Мгновенно в ее голове всплыло все, что ей вдалбливали об опасных незнакомцах, и она была готова просто продолжить свой путь к заправке, ничего не отвечая.

Что же делать?

Если она не решается ответить на безобидный вопрос самого обыкновенного мужчины, как она поедет дальше автостопом?

Дон остановилась в нескольких ярдах от машины и бросила осторожный взгляд на мужчину, уверяя себя, что он выглядит как и все, как сотни мужчин, которых она встречала в Лос-Баносе каждый день.

– Мне нужно добраться до заправочной станции, – наконец сказала она. – А ночевала я под мостом, вон там.

Мужчина оглянулся на эстакаду, еле видимую вдали.

– Сбежала, что ли?

Поколебавшись, Дон повела плечами. Она никогда не умела врать, да и какой смысл? Она ведь не то чтобы сбежала, просто ушла из дома.

– Пожалуй. Решила, что пора перебраться в Лос-Анджелес.

– А родители согласны? – спросил мужчина.

– У меня нет родителей, – ответила Дон, рассудив, что это не совсем ложь, так как ее отец умер до ее рождения, а мать больше интереса проявляла к Элвису Дженксу, чем к ней.

Незнакомец, казалось, поверил.

– Ну что ж, могу подбросить до станции, мне все равно нужно заправиться.

Он сел в машину и посмотрел на Дон. Она все еще колебалась, и через секунду мужчина, пожав плечами, сел за руль и быстро выехал на проезжую часть.

– Подождите! – закричала Дон, пустившись бегом за быстро удалявшейся машиной.

Поначалу ей показалось, что мужчина не видел и не слышал ее, но машина замедлила ход. Дон поравнялась с ней и, когда та остановилась, открыла дверь и скользнула на сиденье рядом с водителем.

– Не следует упускать свой шанс, правда ведь? – сказала она.

Мужчина ухмыльнулся, глядя на дорогу, а через минуту, как и обещал, въехал на заправочную станцию.

– Можешь пойти в туалет умыться, пока я заправляюсь, – предложил он. – А я пока возьму нам кофе.

Десять минут спустя, когда Дон вышла из женского туалета, он ждал ее, сидя за рулем с включенным мотором. Аромат свежего кофе доносился из окна машины. Усевшись на сиденье, она увидела дымящуюся пластиковую чашку на приборной доске и булочку рядом.

– Проголодалась, наверное, – сказал мужчина, выезжая на автостраду в южном направлении.

– Спасибо.

Дон жадно впилась зубами в булочку и запила ее большими глотками горячего кофе.

Десятью минутами позже, когда кофе, казалось, должен был взбодрить ее, Дон почувствовала сонливость. Глаза закрывались против ее воли.

– Что это? – спросила она, пытаясь стряхнуть с себя сон, густым туманом обволакивавший ее. – Что вы подсыпали мне в кофе?

Мужчина рядом с ней молчал. Он медленно повернул голову и взглянул на нее.

Его глаза странно блестели, а на лбу вздулась вена. Он протянул к ней руку. Дон Сандерсон попыталась оттолкнуть его, отодвинуться подальше. Но сонливость все больше охватывала ее, тело стало тяжелым. Таким тяжелым, что она была не в силах шевельнуться. И когда черная тьма, еще темнее, чем прошлой ночью, обступила ее, Дон Сандерсон поняла, что совершила ужасную ошибку.

Элвис Дженкс хотел только изнасиловать ее.

Этот человек, она знала, собирался поступить хуже.

Гораздо хуже.

Глава 1

Джули Спеллман все еще не могла поверить в то, что с ней случилось.

Ей нет и шестнадцати, а жизнь потеряла всякий смысл. С чувством полной безнадежности смотрела она через ветровое стекло, пытаясь понять, как такое могло случиться.

Только ее мать способна до такого додуматься!

Она беспокойно вертелась на переднем сиденье видавшего виды «шевроле», пытаясь устроиться поудобней, и сейчас же пожалела об этом, потому что мать улыбнулась ей этой своей ободряющей улыбочкой, которую Джули ненавидела не меньше, чем место, куда они направлялись.

Еще и улыбается!

Как будто осталось в жизни хоть что-то, чему можно радоваться.

Вплоть до прошлой недели Джули отказывалась верить, что мать решится на этот шаг. И вот, пожалуйста, Джули сидит на переднем сиденье машины, которая того и гляди развалится, младшая сестренка трясется сзади, а все их пожитки следуют за ними в трейлере, из-за которого их так заносит на каждом повороте, что того и гляди ее стошнит.

Хорошо еще, за последний час не было ни одного поворота. Ни поворотов, ни городов, ни даже дорожных знаков, за исключением тех, что сообщали, какой бензин или еду можно купить на ближайшем перекрестке.

С замирающим сердцем проводила она взглядом последний промелькнувший мимо знак «Кеттлмен-Сити» и услышала голос матери, подтвердивший ее худшие опасения.

– Почти приехали. Плезент-Вэлли – всего в семи милях на запад.

Уголком глаза Джули снова заметила на лице матери ненавистное ей задумчивое выражение. Почти такое же ненавистное, как ее ободряющая улыбка.

– Конечно, теперь все изменилось, а когда я была в твоём возрасте, – сказала мать, – это была такая глушь, что и за год не встретишь незнакомого человека.

– Да уж наверняка и сейчас так же, – ответила Джули. – Кто сюда поедет?

И она снова уставилась в окно на бесконечную плоскую равнину, которую представляла собой эта часть долины Сан-Джоакин. Вершин Сьерра-Невады на востоке совсем не было видно, не было даже горизонта: коричнево-зеленые поля переходили в коричнево-голубое небо настолько плавно, что и не различишь, где кончалось одно и начиналось другое.

Никакого сравнения с Лос-Анджелесом, с его холмами, застроенными от долины Сан-Фернандо до Малхолланд-драйв, где стояли настоящие дворцы – в одном из них Джули мечтала когда-нибудь поселиться. А теперь она уже сомневалась, удастся ли хоть взглянуть на эти огромные особняки.

Или увидеться с друзьями и снова оказаться в привычной с детства обстановке. Мало ей несчастья, случившегося пять лет назад, когда умер отец. Вначале она так тосковала по нему, что почла бы за лучшее умереть самой. Почти год она плакала каждую ночь, да и сейчас могла всплакнуть, если оставалась одна и что-нибудь напоминало об отце. Тогда им пришлось выехать из дома на холмах над Студио-Сити, и она оказалась в одной комнате с Молли. Это, конечно, было ужасно, но Джули привыкла, как привыкла к мысли, что отец уже никогда не придет с работы домой. Им всем пришлось ко многому привыкать. Но по крайней мере, школа осталась та же, и для ее друзей не имело значения, что теперь она живет в квартире, а не в красивом особняке с бассейном.

Так что оставались друзья, та же школа и развлечения.

Ну а теперь?

Теперь все по-другому.

Она уныло рассматривала крошечный городок, в который они въезжали.

Его и городом-то не назовешь.
Не было даже торгового центра!

А дома все одинаковые, стоят впритык друг к другу, и задние дворики даже не огорожены.

Они проехали школу, и Джули совсем пала духом, когда увидела, что начальная и средняя школы расположены в одном здании. Только этого не хватало, мысленно вздохнула она. Просто ужасно! Она и Молли будут в одной школе.

– Смотри, – завопила девятилетняя сестренка, как бы прочтя ее мысли. – Школы-то здесь вместе. Мы будем учиться в одной школе!

– Прямо не могу дождаться, – пробормотала Джули и, почувствовав укоризненный взгляд матери, пожалела, что не сдержалась.

– Ну ладно, солнышко, не расстраивайся.

Когда они проезжали через центр, Джули подавила еще один вздох, заметив кинотеатр. Неужели всего один зал?

Что они, не слышали здесь о многозальных кинотеатрах?

Еще два квартала – и город остался позади. И опять вокруг ничего, кроме огромных засеянных полей да показавшихся на западе холмов за ними и разбросанных повсюду фермерских домов. Параллельно дороге тянулся бесконечный ряд огромных опор высоковольтной линии электропередачи.

– А ты знаешь, мам, еще не поздно все изменить, – сказала Джули, решив сделать последнюю попытку и отговорить мать от ужасной ошибки. – Мы могли бы пожить здесь пару дней и вернуться в Студио-Сити. Я уверена, они снова возьмут тебя на работу, и я тоже пойду работать, и мы даже могли бы снять квартиру получше!

Однако мать даже не посмотрела в ее сторону.

И чем дальше тянулись поля, приближая их к месту назначения, тем больше Джули приходила в отчаяние.

Да здесь с тоски загнешься, уж она-то знает.

И все из-за чего?

Только из-за того, что мамаша вознамерилась снова выйти замуж!

Это просто нечестно, неужели матери наплевать, как ее дочь несчастна?

Ну ладно, если станет совсем тошно и неважно, у нее есть выход.

Можно убежать.

И очень может быть, так она и сделает.

Карен Спеллман, заметив, как дочь мрачнеет с каждой минутой, исподтишка покосилась на нее, съездившую у двери. Сказать ей что-нибудь? Но разве это поможет? Каждый раз, когда она пыталась убедить дочь, та отказывалась внять разумным доводам и, вызываясь упреков руки в бока, качала головой и повторяла снова и снова, что мать поступает невероятно глупо. Однако, вопреки мнению Джули, Карен была совершенно уверена в правильности своего решения. Ее жизнь, которая, казалось, закончилась пять лет назад, когда умер Ричард Спеллман, должна начаться вновь.

А начало положило письмо от одной из подруг юности, которую она почти не помнила. Карен уже собиралась выбросить это письмо, как вдруг внутренний голос прошептал, что встреча выпускников ее класса может быть интересной.

Хотя, казалось бы, что там может быть интересного?

Плезент-Вэлли – так они с матерью называли городок, где она выросла и откуда уехала через неделю после окончания школы в Лос-Анджелес. В кошельке у нее был сложенный чек.

– Я это сэкономила на еде, – протягивая чек, сказала Эдна Гилман своей дочери Карен почти двадцать один год назад.

Тонкие губы матери горько кривились, когда она уже в который раз повторяла, какой могла бы быть ее жизнь, не выйди она замуж за Уилбира Гилмана и не поселись в этом богом забытом городке, затерянном в глубине долины Сан-Хоакин.

Карен покорно слушала привычные жалобы матери на то, как тяжело стареть, так и не осуществив свои мечты и устремления, которые зачали под этим солнцем, иссушающим все вокруг палящими лучами.

Пряча усталое лицо от неизменно сияющего на небе солнца, Эдна вложила чек в руку дочери.

– Это немного, но для начала хватит. Уезжай и добейся всего.

И Карен сделала попытку.

Она нашла небольшую квартирку в Голливуде, нашла работу официантки и честно старалась стать кинозвездой, о чем так мечтала ее мать.

Но этого не случилось, и Карен, уехав из Плезент-Вэлли, быстро распростилась с иллюзиями, которые мать пестовала в ней все восемнадцать лет ее жизни.

Она была хорошенькой, но не настолько, чтобы пробиться за счет внешности. Тысячи девушек имели такие же черные роскошные волосы, как у нее, такие же голубые глаза и были так же стройны. Прожив неделю в Лос-Анджелесе, она поняла, насколько не права была ее мать. Даже если она и была первой красавицей в Плезент-Вэлли, в чем не сомневалась, на киностудиях Голливуда ее шансы были ничтожны. Повинуясь материнскому наказу, она записалась на актерские курсы и послушно обивала пороги посреднических контор и бюро по найму актеров, терпеливо выслушивая заверения Эдны, что успех не за горами.

Через два года ее отец умер от сердечного приступа, сидя на веранде их домика в Плезент-Вэлли, и мать переехала в Лос-Анджелес.

Какое-то время Карен и Эдна жили вместе. И через месяц после приезда матери ей стало ясно, что мечта о карьере кинозвезды была для Эдны гораздо важнее, чем для нее самой.

Выйдя замуж за Ричарда Спеллмана, Карен была более чем счастлива прекратить погоню за несбыточной мечтой. К нескрываемому отчаянию ее матери, она устраивала семейное гнездышко.

– Разве ты не видишь, что повторяешь мои ошибки? – вздыхала Эдна. – Неужели ты хочешь подойти к концу жизни такой же разочарованной и измученной, как я? Ты можешь стать кинозвездой, Карен! Не растрачивай себя по пустякам!

Карен старалась не спорить и не обращать внимания на огорченную, разочарованную женщину, которая, Карен это видела, выглядела много старше своих лет.

В течение более чем десяти лет жизнь Карен была почти идеальной. У нее родилась Джули, а через шесть лет и Молли. Однако пять лет назад внезапно все рухнуло. Ричард отвозил ее мать домой после долгого и довольно приятного ужина на террасе около их бассейна. Он как раз выезжал на автостраду Вентура, когда пьяный водитель врезался в их машину, убив на месте Ричарда и Эдну.

Карен еще не успела оправиться от шока после этих двух смертей, когда выяснилось, что оставленных Ричардом денег не хватит даже покрыть долги.

Вскоре она с девочками была вынуждена переехать в убогую квартирку, которую, несмотря на ее крошечные размеры, она с трудом могла себе позволить снять, снова работая официанткой.

Лос-Анджелес начал показывать зубы.

Карен напряженно работала, совмещая учебу с работой в ресторане, и в конце концов ей удалось устроиться секретаршей в одну из крупных юридических контор в Сенчури. Слава богу, с работой официантки было покончено. Однако, несмотря на ее упорство, жизнь была нелегкой. Квартплата всегда росла с такой же скоростью, как ее доход, и ей никак не удавалось вырваться из той жалкой квартирки, куда она переехала после смерти Ричарда.

И с каждым годом улицы становились все опаснее и все более забиты транспортом, а школы, где учились девочки, – все хуже.

Последние несколько лет Карен боялась выходить на улицу из-за гангстеров, перестрелки между которыми настолько участились, что Лос-Анджелес стал походить на прифронтовой город.

Жизнь становилась труднее с каждым днем.

Все чаще она вспоминала тихий Плезент-Вэлли, с теплотой, для нее самой неожиданной.

И вот однажды, придя домой, Карен нашла приглашение на юбилейную встречу ее одноклассников в честь двадцатилетия со дня окончания школы.

Двадцать лет? Неужели так давно она не была в городе, где выросла?

И вместо того чтобы выбросить приглашение, она прикрепила его к дверце холодильника.

С неделю оно провисело там, прижатое маленьким магнитом в виде божьей коровки. Она иногда пыталась представить себе городок по своим воспоминаниям, отбросив наговоры матери. Какими теперь стали дети, с которыми она росла? Не то чтобы у нее было много друзей в детстве, Эдна старалась не допустить ее сближения со сверстниками, запрещая общаться с детьми фермеров, приезжавшими в городскую школу каждый день. Так она и выросла в фермерской общине, ни разу не побывав на ферме.

По-видимому, именно сознание того, что она мало знает о городе, в котором выросла, повлияло на ее решение.

– Присмотри здесь за Молли, меня не будет всего одну ночь, – сказала она старшей дочери. – И вот тебе за это двадцать долларов.

Для Джули нудный присмотр за сестренкой вполне уравнивался приятным для нее отсутствием матери, не говоря уже о двадцати долларах. Она не возражала, и Карен ответила согласием на приглашение.

Городок полностью соответствовал ее воспоминаниям.

Все было знакомым, и в этом было что-то странно-умиротворяющее.

И с этим чувством пришло понимание, что она никогда не испытывала ненависти к Плезент-Вэлли. Это Эдна ненавидела его.

Обнимая своих одноклассников и делясь с ними воспоминаниями, Карен осознала, что даже после двадцатилетнего отсутствия у нее больше друзей в Плезент-Вэлли, чем в Лос-Анджелесе.

Друзья отнеслись к ней так, как будто она никуда не уезжала.

И один из них – Расселл Оуэн – внезапно стал большим, чем кто-то знакомый еще с детского сада.

После юбилея всю серую калифорнийскую зиму он ездил за двести миль в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с ней, а на весенние каникулы Карен взяла с собой Молли показать ей город и ферму Расселла.

Джули, предпочитая проводить время со своими школьными друзьями, отказалась ехать, и Карен разрешила ей остаться в квартире одной.

И вот теперь, спустя шесть месяцев после юбилея, она снова ехала в Плезент-Вэлли. На этот раз чтобы там остаться.

Несмотря на слезы и протесты Джули, Карен настояла на своем.

– Если бы ты поехала на каникулы с нами, то поняла, что там совсем не так плохо, как ты думаешь, – заявила она дочери.

И так как дочь продолжала спорить, она оборвала ее, напомнив, что случилось в их школе всего несколько месяцев назад – школьник открыл огонь, убив учителя и троих своих одноклассников, прежде чем покончить с собой.

– По крайней мере, в Плезент-Вэлли у тебя есть верный шанс дожить до окончания школы, – сказала она, обняв Джули. – Не горюй, родная, это же не конец света. Вполне возможно, что нам всем здесь будет хорошо, а не только мне. Ты только попробуй, это все, о чем я тебя прошу. Хорошо?

Спор прекратился, но, когда несколько минут назад они ехали по Плезент-Вэлли и Джули увидела городок, где ей придется оканчивать школу, Карен почувствовала, как вновь вспыхнула уже было затухавшая досада ее дочери, хотя она и ограничилась всего несколькими ворчливыми ремарками.

А Молли прыгала на заднем сиденье, прижимая к себе потрепанного плюшевого медвежонка, которого она отказалась выбросить, и верещала восторженным голосом о жеребенке, ждущем ее на ферме.

На следующей неделе, думала Карен, несмотря на все капризы Джули, я выхожу замуж. Замуж за человека, с которым выросла и который провел всю жизнь, как владелец большого фермерского хозяйства рядом с Плезент-Вэлли.

Ее мать, Карен была уверена, должна перевернуться в гробу, сердясь еще больше, чем Джули.

Джули, насколько она могла понять, изредка косясь на нее, была очень рассержена.

Машина сошла с асфальтовой дороги и запрыгала на кочках по разбитой грунтовке, ведущей прямо на запад между изумрудно-зелеными полями.

– А что, дальше дорога будет еще хуже? – спросила Джули. – Я боялась, что машина каждую минуту может развалиться, с тех пор как мы спустились по Тещиному Языку три часа назад.

– А что такое «Тещин Язык»? – спросила Молли с заднего сиденья.

– Так называют длинный извилистый спуск, который мы проехали недалеко от Гормана, – объяснила Карен младшей дочери. «Если у меня здесь ничего не получится, придется покупать новую машину, чтобы добраться до Лос-Анджелеса», – подумала Карен и ответила дочери: – Нет, хуже уже не будет, эта дорога ведет к ферме Расселла.

Несмотря на решимость не замечать ничего хорошего в Плезент-Вэлли, глаза Джули округлились.

– Ты хочешь сказать, что вся эта земля принадлежит Расселлу? – спросила она, окидывая взглядом поля, простирающиеся вокруг них. – Сколько же у него земли?

– Триста двадцать акров, – ответила Карен. – Вот она, ферма, прямо перед нами.

В четверти мили Джули увидела огромный амбар, силосную башню и несколько более мелких строений. Она также увидела два дома, отделенные от фермы большим двором с несколькими огромными старыми каштанами.

Меньший из домов, одноэтажный, напоминал прямоугольную коробку с пристроенным крыльцом.

Второй дом, намного больше по размеру, был построен в викторианском стиле с огромной крытой верандой, которая тянулась вокруг дома, большими окнами и несколькими фронтонами, прерывающими линию крутой крыши над вторым этажом. С одной стороны была даже угловая башня, ее окна сверкали гнутым стеклом, повторяющим цилиндрическую форму стен.

Дом был покрашен в белый цвет с окантовкой черного, серого и темно-красного цвета, совпадающего с тоном крыши.

– Это?.. – начала Джули, но не закончила вопрос, боясь обмануться в своих надеждах.

– Да, это дом Расселла, – ответила Карен, улыбаясь уголками рта. – А тот, поменьше, дом его отца, в котором Расселл вырос.

– Так нечестно! – закричала Молли с заднего сиденья. – Мы же договорились, что нам принадлежит маленький дом!

– Расселл построил большой дом вскоре после женитьбы, – сказала Карен старшей дочери, не обращая внимания на Молли. – Они собирались иметь полдюжины детей, но...

– И что произошло? – прервала ее Джули, прищурившись. – Жене не захотелось сидеть в этой глуши?

– Нет, – ответила Карен холодным тоном. Глядя вперед, она осторожно притормозила, все еще не привыкнув к езде с трейлером на прицепе. – Она погибла так же, как твой отец. – Карен пожалела о сказанном, услышав, как у Джули перехватило дыхание от шока, но было уже поздно. Она прикоснулась к руке Джули: – Извини, мне надо было найти другие слова. – Глаза дочери наполнились слезами, и Карен знала, что она думает об отце. – Если бы ты не меняла тему каждый раз, когда я пыталась поговорить с тобой о Расселле, или захотела бы познакомиться с ним поближе, ты бы знала, что случилось.

Джули потупилась, внезапно устыдившись самой себя. Надо же ей было ляпнуть такое о первой жене Расселла.

– Извини, мам, – пробормотала она. – Кажется, я иногда говорю глупости.

– Да ты все время говоришь глупости, – заявила Молли с заднего сиденья, получив в ответ недовольный взгляд сестры.

Карен сделала вид, что не слышит Молли.

– Не сердись, Джули, – сказала она. – Пожалуйста. Ради меня.

Поколебавшись, Джули кивнула:

– Ладно, мам, только здесь все так непривычно. Я никого не знаю, а вдруг они меня невзлюбят?

Карен тут же посмотрела в зеркало назад и увидела, что Молли злорадно готовится использовать счастливую возможность еще раз кольнуть сестру.

– Ни слова, Молли, – строго произнесла она. – Я тебя предупреждаю. – И когда Молли затихла на заднем сиденье, Карен повернулась к Джули: – Ты им всем понравишься, милая, – мягко пообещала она и, потянувшись, откинула с лица длинную прядь темных волос.

У Джули были большие глаза, затененные густыми ресницами, а черты лица, унаследованные от отца, – гораздо тоньше, чем у Карен.

– Ты очень хорошенькая и чаще всего очень милая, – заверила она дочь.

Джули подняла глаза, и впервые с момента отъезда из Лос-Анджелеса улыбка осветила ее печальное лицо.

– А когда я не в настроении, тут уж настоящая стерва, правда? – спросила она.

Карен притянула Джули к себе, на мгновение обняв ее:

– Тебе виднее. А сейчас вам предстоит встреча со сводным братом. А вот и он, – добавила она, кивнув в сторону дома.

Джули проследила за взглядом матери и увидела Расселла Оуэна на широкой веранде дома. Рядом с ним стоял юноша примерно ее возраста. У него были темно-русые волосы, и, даже глядя из машины, она была уверена, что у него голубые глаза.

Но ей также показалось, что он из тех красивых мальчишек, которые настолько самонадеянны, что даже не замечают ее. Он выглядел на пару дюймов выше ее и, возможно, на год старше.

Ну и что? Она не ищет себе дружка, а хоть бы и искала, то им не станет ее деревенский сводный брат!

Автомобиль, задрожав, остановился. Молли распахнула заднюю дверь и, взбежав по ступенькам крыльца, бросилась к Кевину Оуэну, к которому прилепилась, как маленькая пиявка, с момента их встречи прошлой весной. В то же время большая собака неопределенной породы толкнула сетчатую дверь и прыгнула к Молли.

– Привет, Бейли! – крикнула Молли, отпуская Кевина и обнимая шею собаки. Но, лаская собаку, она снова посмотрела на Кевина: – Покажешь мне жеребенка? – спросила она. – Как он тут? Наверное, подрос?

Кевин поднял Молли высоко в воздух и затем опустил так, что их глаза оказались на одном уровне. – Может, я сначала поздороваюсь с твоей мамой и сестрой? – сказал он.

Молли весело хихикнула.

– Хорошо.

Кевин несколько раз покрутил девочку вокруг себя, а Бейли дико лаял, гоняясь за ними.

Когда он опустил ее, собака весело бросилась к ней и, повалив на землю, лизнула в лицо.

Джули, наблюдая за игрой сестры с Кевином и собакой, почти пожалела, что не поехала сюда на весенние каникулы.

Они все казались одной семьей.

Семьей, в которой ей не было места.

Через десять минут Кевин позволил Молли затащить себя на конюшню, где десять недель назад она присутствовала при рождении жеребенка.

– Можно мне на нем покататься? – умоляла она и тянула Кевина за руку, чтобы шел побыстрее.

– Нет, пока нельзя, – терпеливо объяснял Кевин. – Но можно играть, кормить, мыть и ухаживать за ним.

– Правда? – Глаза Молли сияли от восторга. – Я могу за ним ухаживать? Ты научишь меня?

Когда они вошли в конюшню, Карен обняла Расселла за талию.

– Извини, но, кажется, сейчас жеребенок для нее – самое главное. Всю дорогу она только о нем и говорила. А вернее, с нашего последнего приезда сюда.

– Ну тогда, я думаю, ей понравится свадебный подарок, – сказал Расселл, прижав Карен к себе и вдыхая запах ее волос.

– Свадебный подарок? – рассеянно повторила она.

– Думаю, нужно отдать жеребенка Молли, – ответил Расселл.

– Отдать ей жеребенка? – спросила Карен, широко открыв глаза.

– Каждый ребенок, живущий на ферме, должен иметь лошадь. – Расселл не дал ей возразить, нежно прижав палец к ее губам.

– Поэтому я подумал, что мы отдадим Молли жеребенка, а Джули подарим его мать. – Он обернулся к Джули: – Ты умеешь ездить верхом?

– Верхом? – тихо повторила Джули. Когда она могла научиться? Да и кто имел такую возможность. Дома только избалованные девчонки, имевшие богатых родителей, занимались верховой ездой.

Вот это да, собственная лошадь!

Несмотря на убежденность, что Плезент-Вэлли будет наихудшим периодом в ее жизни, Джули почувствовала, как ее охватило приятное возбуждение.

Возбуждение, которое она не собиралась открыть даже матери, не говоря уже о Расселле Оуэне.

– Я не очень люблю лошадей, – сказала она.

– К ним надо привыкнуть, – заметил Расселл, решив не обращать внимания на ее угрюмый тон и растерянный вид. – Пусть Кевин покажет тебе ее. И тогда ты решишь, хочешь иметь лошадь или нет.

Джули разрывалась между решимостью ненавидеть все, что касалось этого городка и фермы, и растущим интересом к лошади, которую ей предложил Расселл. И любопытство победило.

– Пожалуй, пойду взгляну на нее, – согласилась она и медленно направилась к конюшне, с демонстративно безразличным видом.

Расселл и Карен, наблюдая, как она удалялась, обменялись взглядами, заметив в ее походке плохо скрытую заинтересованность.

– Кажется, нам удалось найти первое слабое звено в ее обороне, – заметил Расселл, привлекая Карен к себе.

Карен благодарно улыбнулась.

– Не знаю, что и сказать, – начала она, осознав, что не подумала о подарке для его сына. – Боюсь, я ничего не привезла для Кевина... – И заплакала, увидев, что Расселл разглядывает ее полуразвалившийся «шевроле».

– Я в этом не уверен, – сказал он. – Ему шестнадцать, и две недели назад он получил водительские права.

Карен открыла рот от удивления, сообразив, о чем он говорит.

– Моя машина? Ты хочешь отдать ему мою машину?

– А почему бы нет? – спросил Расселл. – А иначе куда нам ее девать? У нас две почти новые машины и грузовик, и я не склонен отдавать одну из них Кевину.

Карен подняла брови:

– Мне как-то неудобно отдавать ему такую развалину. – Она обдумывала его слова, начиная понимать, что он имел в виду. – Машина действительно в ужасном состоянии, – произнесла она задумчиво. – Перегревается, тормоза вконец изношены. И буквально пожирает масло.

– Значит, ему придется над ней серьезно поработать, – продолжал Расселл, вызывая к ее логике. – И он будет с ней намного осторожней, чем с новой машиной.

Карен теснее прижалась к нему, удивляясь, как ей повезло найти такого мудрого и любящего мужа.

Все будет хорошо.

Все получится.

Они поженятся и заживут счастливо.

Она, Расселл, Кевин, Молли и, наверное, даже Джули.

За исключением, может быть, еще одного человека на ферме.

Отто Оуэн, отец Расселла, – вел себя с ней не слишком вежливо, когда она была здесь в начале весны.

Вот и сейчас его нигде не видно.

Карен еще раз взглянула в мужественное, красивое лицо Расселла. Они так похожи с сыном, но Расселл более зрелый, со следами прожитых лет.

– Где Отто? – боязливо спросила она.

Расселл колебался и кивнул в сторону своего дома.

– Там, – сказал он.

В голосе Расселла было что-то настораживающее.

– Он не хочет, чтобы мы поженились?

– Не ему решать, – ответил Расселл, но его запинка перед ответом и гневный тон подсказали ей, что в отношениях между мужчинами не все ладится. Но прежде чем Карен успела вставить хоть слово, Расселл продолжил: – Боюсь, что он несколько старомоден. – Его лицо покраснело от очевидного смущения. – Мало того, что он не хочет, чтобы я женился, как он говорит, на городской, еще придумал, что тебе не следует останавливаться в моем доме до обручения.

– Ты шутишь, – изумилась Карен, не веря своим ушам. Но, увидев замешательство на лице Расселла, открыла рот. – И ты согласился?

Расселл нервно шаркнул ногой.

– Всего на несколько дней, – объяснил он. – Ну пожалуйста, родная, он прожил здесь всю жизнь и слишком стар, чтобы приспосабливаться к современным нравам. Давай уступим ему в этом. На весенние каникулы ты останавливалась в мотеле...

– Тогда мы еще не решили пожениться, – напомнила она. – Расселл, это смешно.

Расселл кивнул, беспомощно разведя руками.

– Я знаю, – вздохнул он. – Но думаю, если уступлю ему в этом вопросе, он, наверное, будет прилично вести себя на свадьбе. – Его глаза озорно блеснули. – Или ты действительно хочешь, чтобы он встал посреди церемонии и назвал тебя шлюхой перед всем городом?

– Он не посмеет! – Голос Карен звучал неуверенно.

Расселл пожал плечами:

– Он может. Во всяком случае, речь идет всего о трех ночах, и мне кажется, что тебе и девочкам даже понравится провести несколько ночей отдельно, прежде чем погрязнуть во всем этом. – Его правая рука обвела элегантно дугой окружающие поля.

– Так что я договорился с ним, что вы остановитесь до свадьбы в его доме, а он поживет в гостевой комнате в большом доме. Хорошо?

– Ну что тут скажешь?

«Что она не хочет останавливаться в доме человека, явно настроенного против нее? – размышляла Карен. – Что она хотела бы быть с Расселлом, и ее не волнует, что думает его отец?» Но потом она осознала правоту Расселла – разговор шел всего о нескольких ночах, и потом вполне возможно, что сама мысль о появлении трех новых людей на ферме могла быть так же неприятна для Отто, как для Джули переезд в Плезент-Вэлли. Она просто будет думать о следующих нескольких днях, как о буферной зоне – переходном времени для всех.

– Хорошо, – согласилась она.

– Тогда давай занесем в дом ваши чемоданы, – сказал Расселл.

Он принялся вытаскивать их пожитки из багажника старого «шевроле». Карен уже хотела присоединиться к нему, как вдруг почувствовала жуткий холодок, пробежавший по спине.

Холодок, который чувствуешь, когда знаешь, что кто-то следит за тобой. Она была уверена, что знает источник этого холодка, и обернулась к дому на холме, который через несколько дней станет ее жилищем.

В окне она увидела силуэт.

Отто Оуэн наблюдал за ней.

Наблюдал, не выйдя наружу, чтобы поздороваться.

А что, если Джули все-таки была права?

Что, если возвращение в Плезент-Вэлли было ошибкой?

Что, если все обернется в худшую сторону?

Содрогнувшись от этой мысли, Карен тут же отвергла ее. День был прекрасен, она влюблена, Плезент-Вэлли великолепен, и она никому не позволит разрушить все это.

Включая Отто Оуэна.

Когда она снова бросила взгляд на окно, его там не было.

Глава 2

Молли Спеллман проснулась с первым криком петуха, сбросила легкое клетчатое одеяло и выбралась из постели, которую в последний раз делила с Джули. Джули тут же схватила одеяло, закуталась в него и отвернулась, спрятав лицо в подушку от утреннего света.

Молли подбежала к окну и восторженно окинула взглядом широкие поля, окружающие дом. Каждый день на ферме приносит ей новые приключения, а сегодня был самый большой день.

Ее мама и папа Кевина собирались пожениться.

Хотя Молли, казалось, размышляла над этим целую вечность, она так и не могла понять, что чувствовала. В основном она считала, что это будет здорово, потому что после замужества ее матери с Расселлом, Кевин будет почти ее родным братом, а о старшем брате Молли всегда мечтала – даже больше, чем о лошади.

Теперь у нее будет и то и другое: жеребенок, которого она назовет Флика, как в ее любимой книжке, и брат тоже!

И ей нравился Расселл, хотя она так и не решила, как будет его называть. Она не могла называть его папа, потому что он не был ее отцом, но и называть его дядя Расселл казалось глупо. Ведь не могла же мать выйти замуж за ее дядю? Пока она его никак не называла, но скоро надо будет решать.

Единственное, что мешало полному счастью, был дедушка Кевина. Каждый раз, когда он смотрел на Молли, ее сестру или мать, казалось, что он злился.

Вчера она спросила Кевина, почему его дед всегда такой сердитый, а Кевин ответил, что не нужно беспокоиться, вскоре он привыкнет к ним, и все будет в порядке.

А что, если он к ним не привыкнет?

Видение сердитого лица Отто Оуэна, с глазами, глубоко сидящими в морщинах, внезапно возникло в голове Молли. Он смотрел на нее сверлящим взглядом, заставляя сердце колотиться от страха. И пока она пыталась изгнать его ужасное лицо из своего воображения, старик сам появился во дворе.

Молли похолодела, когда он посмотрел в ее сторону, и быстро отошла от окна. Она начала одеваться, выживая вчерашние джинсы из кучи одежды на стуле в углу и роясь в чемодане в поисках чистой майки. Остановившись в кухне, чтобы налить стакан апельсинового сока из кувшина в холодильнике, она осторожно выглянула в окно, отыскивая взглядом Отто Оуэна. Если он в конюшне, она совсем не хотела туда идти.

Но как же быть с Фликой?

Отведя взгляд от конюшни, она осмотрела пастбище около нее, но ни Флики, ни других лошадей там не было. Это означало, что Кевин еще спал.

Может, ей пойти в конюшню одной? Кевин показал ей, что надо делать, на следующий день после их приезда на ферму, и вчера она управлялась с работой сама, ничего не забыв. К моменту появления Кевина, думала Молли, ей, вероятно, удастся закончить всю работу.

Но что, если дед Кевина был там?

Она все обдумала и приняла решение. Лошадей надо накормить, напоить и вывести на пастбище, и, даже если дед Кевина был в конюшне, он не обидит ее. Он просто зловредный старик, и не нужно обращать на него внимание.

Она прихватила несколько кусочков сахара из сахарницы на кухонном столе, натянула куртку, чтобы защититься от утренней прохлады, и через заднюю дверь решительно зашагала по двору к конюшне.

Но когда Молли добралась туда, собранное по частицам мужество испарилось.

А вдруг он в конюшне?

А вдруг он начнет орать на нее?

Около входа она прислушалась, но изнутри доносилось только тихое ржание лошадей. Наконец, вновь собравшись с духом, она открыла широкие ворота конюшни и остановилась, всматриваясь во мрак.

– Мистер Оуэн? – позвала она неуверенно. – Вы здесь?

Но ответом было только эхо, возвратившее ее слова.

Когда она нерешительно вошла в темноту конюшни, уверенность, которую чувствовала при ярком солнечном свете, снова оставила ее. Она была здесь вчера и позавчера и ничего не боялась, убеждала Молли себя. Но тогда с нею были Кевин и Джули.

Сейчас она была одна. И конюшня казалась намного больше, чем раньше.

– Привет, Грета, – окликнула Молли мать Флики, которая мирно смотрела на нее через дверь стойла.

Хотя она заговорила больше для того, чтобы услышать звук своего голоса, большая гнетая кобыла заржала в ответ. Ободренная реакцией Греты, Молли собралась с силами и двинулась вглубь конюшни, осторожно вступив в сумрак стойла Флики и Греты.

Она достала сахар из кармана, дав по одному кусочку жеребенку и большой кобыле. Пока животные жевали сахар, Молли открыла наружную дверь стойла. Лошади вышли следом за ней на пастбище, толкая ее мордами в попытках выпросить сахар. Молли, хихикая, оттолкнула их, подошла к корыту и открыла кран, наполнив его водой по самые кромки, как ее учил Кевин. Пока журчала вода, она заполнила кормушку свежей травой и принесла из конюшни овса, добавив его в корм.

Молли впервые услышала этот звук, когда набирала овес из бочки.

Слабый жужжащий звук откуда-то из глубины конюшни.

Молли посмотрела вверх в сумрак чердака, но ничего не заметила. Она нахмурилась, размышляя, не поискать ли Кевина или даже его отца, но, еще раз оглянувшись и ничего не увидев, решила не обращать внимания на странный шум.

Добавив овса в корм, она вывела на пастбище остальных двух лошадей.

Вернувшись в конюшню, начала чистить стойло Флики и Греты. Сгребала грязную солому, грузила ее на тачку и сваливала в большую кучу навоза около огорода, в котором Кевин обещал выделить ей грядки для тыквы и помидоров.

– Они растут очень быстро, – сказал он ей позавчера. – С остальными овощами трудно что-то заметить, а тыква растет прямо на глазах.

Может быть, сегодня утром, до приготовлений к свадьбе, он поможет ей посадить семена.

Опустошив тачку, Молли снова направилась в конюшню, остановившись только скинуть куртку, так как солнце уже припекало. Бросив куртку у двери, Молли вошла в конюшню, чтобы закончить уборку стойла Флики.

Жужжащий звук в конюшне сначала казался громче, но, сгребая остатки грязной соломы, она перестала его замечать. Упорно работала, стараясь ничего не упустить из того, чему учил ее Кевин.

Только убедившись, что стойло настолько чистое, что и Кевин не сделал бы лучше, она пошла к закрому под сеновалом за свежей соломой.

Жужжание стало значительно громче. И когда Молли подняла глаза, она наконец увидела его источник.

Высоко наверху, где стропила смыкались над сеновалом, кружились пчелы, отчетливо видимые, только когда пересекали лучи солнечного света, пробивавшиеся сквозь щели и отверстия от сучков в стенах конюшни.

Пораженная Молли, не отрывая глаз от мелькающих насекомых, начала карабкаться по лестнице на сеновал. Едва забравшись наверх, она услышала голос снизу.

Голос Отто Оуэна.

– Стой на месте, – сказал он.

Хотя голос был негромок, его требовательность заставила Молли замереть. Она застыла на лестнице и взглянула вверх.

Ее сердце быстро забилося.

Всего в двух футах от нее на одном из столбов, поддерживающих крышу, висела огромная, шевелящаяся и жужжащая масса.

Это был пчелиный рой.

Напуганная этим зрелищем, Молли чуть не упала с лестницы.

Рой был почти два фута длиной, черный от тел тысяч насекомых, ползающих друг по другу, и еще сотни других пчел кружились в воздухе вокруг этой колеблющейся массы.

– Спокойно, Молли, – услышала она тихий, но отчетливый голос Отто. – Спускайся вниз, но очень медленно. Не делай резких движений, не пугай их, и они тебя не тронут.

Казалось, целую вечность Молли совсем не двигалась, глядя, как под гипнозом, на шевелящуюся массу насекомых. Только когда Отто снова заговорил с ней более настойчивым голосом, она освободилась от наваждения и стала медленно сползать по лестнице.

Отто Оуэн ждал ее внизу. Схватив мозолистыми руками, он вынес ее из конюшни, не отпуская, пока они не оказались посреди двора.

– Зачем ты полезла наверх? – спросил он строгим голосом, уставив на нее свои глубоко посаженные пугающие глаза. – Ты что, не слышала пчел? Не видела их?

Напуганная Молли заплакала.

– Я просто хотела посмотреть, что они делают, – сказала она сквозь слезы. – Они ведь не ужалили меня.

Отто с возмущением посмотрел на нее, и на мгновение Молли испугалась, что он ударит ее. Затем злое выражение исчезло с его лица, и он с трудом наклонился, глядя ей в глаза.

– Послушай меня, молодая особа, – произнес он сурово, но уже не угрожающим тоном. – Если ты еще когда-нибудь увидишь пчелиный рой, держись от него подальше, хорошо?

Подбородок Молли задрожал, и она с трудом подавила плач.

– Но они же не погнались за мной.

– Нет, – согласился Отто Оуэн. – Но если бы ты потревожила их, они могли за тобой погнаться.

Глаза Молли расширились.

– Они могли убить тебя, Молли, – продолжал старик. – Никогда больше не подходи к пчелиному рою. Не подходи, если не знаешь точно, зачем ты это делаешь.

Когда он замолчал, Молли обернулась на конюшню. Несколько пчел кружились в воздухе, другие сидели на стене конюшни. Со стороны двора они выглядели совершенно безобидными. Оглянувшись на стук двери домика Отто, она увидела бегущую к ней мать.

– Молли?! – закричала Карен. – Что случилось?

Молли махнула рукой в сторону конюшни.

– Пчелы! – крикнула она, внезапно забыв свои страхи в присутствии матери.

Подбежав к Карен, она стала рассказывать, что случилось, указывая на конюшню.

– Они там, наверху, мама. Их там целый рой!

Карен взглянула на чердак конюшни.

«О чем это Молли говорит?»

Там кружилось всего несколько пчел.

Внезапно конюшня словно ожила. Тысячи пчел вырвались из нее через щели и трещины. Мгновенно воздух потемнел от них, казалось, их оглушительное жужжание сотрясало землю. Видя, что пчелы направляются к ним, Карен схватила Молли за руку и бросилась назад к дому, почти волоча дочь за собой.

– Что они там делают, мам? – спросила Джули, чувствуя комок страха, подступающий к горлу, и разглядывая огромную массу пчел, кружащихся под окном. – Они пытаются проникнуть к нам?

Обняв обеих дочерей за плечи, Карен смотрела сквозь стекло на роящихся насекомых. Оказавшись с Молли в безопасности в домике Отто, она тут же позвонила Расселлу. Трубку взял Кевин, уверив ее, что бояться нечего, так как они с дедом вполне справятся с пчелами.

– Вряд ли, – ответила Карен, стараясь успокоить дочерей, хотя сама была не уверена в полной безопасности.

– Мы останемся в доме, и пусть Кевин и Отто разбираются с ними.

Огромный старый каштан стоял рядом с домом, и теперь рой переместился на это дерево, скапливаясь там, где главный ствол раздваивался на две гигантские ветви. Масса насекомых постоянно росла. Джули и Карен рассматривали ее с благоговейным ужасом.

– Боже мой, – выдохнула Джули, едва сознавая, что говорит вслух. – Какой же он большой!

Молли, осмелевшая за стеклом, защищающим ее от тучи насекомых, смотрела на рой в изумлении.

– В конюшне он был намного больше, – заявила она. – Видишь? Они все еще слетаются!

Карен проследила за взглядом младшей дочери и еще крепче обняла ее.

«Слава богу, что Отто вызволил ее! – подумала она, подавляя дрожь. – А Кевин сказал, что это – пустяки. Пустяки! Какие же это пустяки, когда во дворе миллионы пчел?»

– Что они собираются делать? – спросила Джули, мгновенно почувствовав в голосе матери сомнение.

– Не знаю, – ответила Карен. Ее напряженные нервы начали сдавать. – Может быть, они обольют их инсектицидом или чем-нибудь еще.

Молли ухватила мать за руку и другой рукой указала в сторону конюшни:

– Смотри-ка, мама!

Молли увидела две фигуры, появившиеся из конюшни.

Отто и Кевин, защищенные от пчел только сетками, закрывающими голову, быстро направлялись через двор. Кевин нес складную алюминиевую лестницу, а Отто большую картонную коробку. Пока Кевин собирал лестницу, Отто поставил коробку на землю, открыл ее и достал что-то напоминающее тонкую щетку, примерно фут длиной, с ручкой на одном конце. К щетке была приделана странная конструкция, которая выглядела как металлическая банка с воронкой сверху и кожаными мехами, приделанными сбоку. Прислонив лестницу к дереву, Кевин наклонился и взял банку. Достав спичку из кармана джинсов, он зажег ее о нижнюю ступеньку лестницы и бросил в банку. Несколько раз подув в банку и, очевидно, убедившись, что пламя разгорелось, он закрыл крышку.

Карен с дочерьми наблюдали, как Кевин вскарабкался почти до вершины лестницы, так что его голова и плечи находились почти на одном уровне с роем, который висел на ветке в двух футах от него. Отто передал ему щетку. Поднявшись на третью ступеньку лестницы, Отто держал коробку чуть ниже пчелиного роя.

Кевин начал работать мехами, присоединенными к банке, и дым повалил из воронки, обволакивая пчел, которые, пытаясь избавиться от дыма, падали в коробку, и скоро две трети роя уже были там. Затем Кевин осторожно смел остатки роя в коробку.

Сначала казалось, что пчелы вылетают из коробки так же быстро, как Кевин сметает их в нее, но скоро картина изменилась. Летающих пчел становилось все меньше, и наконец весь рой уgomонился в коробке.

Двигаясь с большой осторожностью, Отто спустился по лестнице и опустил коробку на землю.

Минутой позже Кевин также слез вниз.

К этому времени большинство пчел уже были в коробке и только несколько летало в воздухе. Отто накрыл коробку крышкой, которую он принес из конюшни, и отнес коробку в пикап, который был припаркован неподалеку. Кевин вошел в дом.

– Все в порядке? – спросила Карен, с трудом веря, что все уже позади. – Они тебя не ужалили?

– А зачем им меня жалить? – удивился Кевин. – Я же не причинил им вреда.

Карен опустила на один из кухонных стульев, чувствуя себя обессиленной тем, что она видела.

– Откуда они появились? Они все время были в конюшне?

Она вспомнила, что Джули и Молли два последних дня почти все время бегали в конюшню и обратно. И что же, пчелиный рой все время был там, спрятанный на чердаке, как невидимая опасность для двух ее девочек?

Кевин покачал головой в ответ на ее вопрос.

– Они, скорее всего, появились там сегодня утром. Прошлой ночью для них было слишком холодно. Если температура ниже десяти градусов, пчелы совсем не могут летать.

– Но откуда же они появились? – настаивала Карен.

Кевин пожал плечами:

– Возможно, с пасеки.

– С пасеки? – повторила Карен. – Я не видела здесь никаких ульев.

– Пасека есть, – ответил Кевин. – Все фермы имеют ульи, они нужны для опыления растений. Когда улей переполняется, появляется новая матка, а старая улетает, примерно с третьей частью пчел. Так образуются новые пчелиные семьи. Мы отвезем их назад, на пасеку, и поселим в новый улей.

– А где пасека? – заинтересовалась Молли, у которой любопытство победило остатки страха. – Почему вы до сих пор не показали мне ее?

– Потому что она на другом конце пастбища, в самом дальнем углу от дома, – ответил ей Кевин. – Это сделано сознательно, чтобы маленькие дети, такие, как ты, были подальше от пчел.

– Я не ребенок, – возразила Молли. – Мне почти десять.

– Только через десять месяцев, – вмешалась Джули.

– Все равно я хочу видеть пчел, – настаивала Молли, сердито поглядывая на сестру.

– Ну хватит, Молли, – одернула ее Карен. – Кевин и мистер Оуэн займутся пчелами, а ты останешься здесь, со мной.

Во дворе Отто закончил погрузку коробки в пикап и махнул рукой Кевину.

– Хочешь поехать с нами? – спросил Кевин Джули, потупив глаза с такой застенчивостью, что Карен, наблюдая из-за стола, с трудом скрывала улыбку.

Джули с удивлением взглянула на Кевина.

– Ты что, шутишь? Ты хочешь, чтобы я села в грузовик, в кузове которого находится миллион пчел?

Кевин покраснел еще больше.

– Это не опасно, – заверил он. – Крышка не откроется.

– Но опасный момент наступит, когда вы будете пересаживать пчел в улей? Ведь для этого вам придется открыть коробку.

Кевин кивнул.

– Но Джули не обязательно подходить к улью. Она может оставаться в грузовике, за закрытыми окнами, – объяснил он, глядя на Карен с молчаливым призывом о помощи.

– Почему бы тебе не поехать, – предложила Карен, поддаваясь умоляющему взгляду Кевина. – Я уверена, что Кевин и Отто прекрасно знают свое дело.

– Мама, – простила Джули. – Ну почему я должна ехать...

Но Карен не дала ей закончить фразу.

– Я думаю, тебе следует поехать, – сказала она. – Если бы у меня не было так много дел, я бы сама поехала. Ведь это очень интересно.

И прежде чем Джули сумела что-либо добавить, Карен повернулась к Кевину:

– Попроси деда подождать минутку. Джули сейчас придет.

Кевин, чувствуя, что между Джули и ее матерью пробежала кошка, заколебался.

– Но если она действительно не хочет... – начал он, но Карен быстро прервала его.

– Джули спустится через минуту. Попроси Отто подождать.

Когда Кевин ушел, Карен повернулась к дочери, которая сердито смотрела на нее.

– Мама, я не поеду, – начала Джули. – Пасека! Кому она нужна, эта пасека? Я не понимаю, почему...

Карен подняла руку, останавливая словоизвержение Джули:

– Послушай меня, пожалуйста! Я хочу, чтобы ты поехала с ними. Неужели ты не видишь, как важно для Кевина, чтобы ты поехала? Прошу тебя, Джули. Ты можешь остаться в грузовике и даже смотреть в другую сторону, если хочешь. Мы собираемся жить на этой ферме, и нам нужно установить со всеми хорошие отношения. Даже с Отто Оуэном. Я хочу тебе напомнить, что он спас Молли от пчел и помог Кевину снять пчелиный рой с дерева, а мы в это время прятались в доме. Неудивительно, что он невысокого мнения о нас, мы вели себя как жалкая стайка трусов! Поэтому поезжай с ними и не забудь поблагодарить Отто за то, что он избавил нас от пчелиного роя.

Джули сделала глубокий вдох, готовясь продолжить спор, но прикусила язык, заметив на лице матери выражение, означавшее, что продолжения спора не будет.

– Ну хорошо, – вздохнула она. – Я поеду. Но я не выйду из машины. Ненавижу пчел!

– В самом деле? – спросила Карен, изогнув бровь и с насмешкой в глазах. – А они были о тебе такого хорошего мнения!

Джули посмотрела на мать с возмущением, затем повернулась к выходу из кухни. Может быть, действительно стоит съездить на пасеку, решила она. Ей не хотелось в этом признаваться, но было интересно посмотреть, как они собираются загнать пчел из коробки в улей.

– А как же я? – услышала она жалобу Молли, выходя из кухни. – Я тоже хочу поехать!

Джули быстро выскочила из дома, прежде чем мать скажет взять сестру с собой.

– Кто-то должен остаться здесь, со мной, и помочь мне подготовиться к свадьбе, – ответила Карен, взяв Молли на руки, чтобы отвлечь ее от попытки последовать за Джули. – Ты же ведь не хочешь, чтобы твоя старуха-мать выглядела на свадьбе как ведьма?

– А я хочу на пасеку! – капризничала Молли.

Прижав девочку к себе, Карен коснулась носом ее носа.

– Вот что я тебе скажу. Ты останешься здесь и поможешь мне одеться, а завтра утром мы вместе незаметно исчезнем и отправимся на пасеку. Только обещай мне не трогать пчел, хорошо?

Молли немного успокоилась, и Карен опустила ее на пол. В это время Джули садилась в кабину грузовика рядом с Отто, и, хотя старик едва кивнул ей, Карен удовлетворенно улыбнулась. Она была уверена, что заметила огонек интереса в глазах Джули, и надеялась, что ей удастся разговорить Отто, задав ему тысячу вопросов о пчелах. И Отто, возможно, станет лучше относиться, по крайней мере, к одной из ее дочерей.

А час спустя, когда грузовик вернулся и Джули вошла в дом, Карен осознала, что ошиблась.

– Что случилось, Джули? – спросила она.

Джули, направляясь в комнату, которую она делила с Молли, сердито повернулась к матери.

– Старик Оуэн. Я ненавижу его! Он не стал разговаривать со мной, даже когда я задала ему простой вопрос. Он произнес только одну фразу, чтобы я не мешала! А я хотела всего лишь посмотреть! Как будто мне нужны эти глупые пчелы! Мне ничего здесь не нужно!

Разразившись слезами, она бросилась в спальню, упала на постель, зарыв лицо в подушку.

Карен вздохнула. Ну почему это должно было случиться в день ее свадьбы? И еще неизвестно, как это повлияет на ее будущее. Неужели Отто так никогда и не примирится с их пребыванием здесь?

Может быть, ей следует поговорить с Расселлом о его отце?

Может быть, даже отменить свадьбу?..

Ну уж нет! Ведь как раз этого и хотел Отто. И не просто чтобы она отложила свадьбу, а чтобы забыла о ней навсегда и вместе с дочерьми уехала назад в Лос-Анджелес.

Да пошел он к черту! И решив просто больше не думать о ворчливом старикашке, Карен попыталась успокоить дочь.

Но, даже перестав плакать, Джули настаивала на своем.

– Мы должны уехать домой, – сказала она, – мы здесь чужие.

Ничего не сказав о возникшей у нее мысли отложить свадьбу, Карен мысленно молилась, чтобы Джули оказалась не права.

Глава 3

Послеполуденное солнце припекало, и Карен усомнилась в правильности своего выбора платья для свадебной церемонии. Это красивое платье она купила несколько лет назад, еще до смерти Ричарда, его бледно-зеленый оттенок хорошо подходил к ее коже и приятно контрастировал с темными волосами. Оно было несколько старомодным, но у нее не было денег на покупку нового платья, и она не хотела, чтобы это сделал Расселл.

– Фермерские жены не тратят деньги на платья, которые собираются надевать всего один раз в жизни, – сказала она ему, когда он предложил купить ей новое платье в Лос-Анджелесе до переезда в Плезент-Вэлли.

Карен действительно так думала тогда, но сейчас она сомневалась, глядя на тщательно отутюженное платье, висящее на дверце шкафа.

Жара достигала тридцати градусов, а платье было из тяжелого шелка с длинными рукавами. Нервничая, она вообразила себя поднимающейся по ступенькам дома Расселла с темными пятнами пота под мышками на глазах толпы гостей. От одной этой мысли она содрогнулась. Но что еще она могла надеть? Карен как раз собиралась быстро пересмотреть наряды, которые привезла с собой, когда ее заставил вздрогнуть сигнал автомобиля. Она выглянула из окна и увидела серый «джип-чероки», въезжающий во двор. Когда машина остановилась, Карен попыталась рассмотреть человека, сидящего за рулем. Она не смогла узнать его, хотя он и выглядел знакомым.

Что это он приехал так рано? Сбор гостей должен был начаться только через полчаса. Нервничая все сильнее с каждой секундой, Карен оставила идею поисков другого платья и поспешила к двери, как того требовал долг хозяйки. Но прежде чем она вышла из домика Отто, услышала голос самого старика.

И как всегда, он был недоволен.

Открыв дверь, Карен вышла на крыльцо. Как раз в тот момент, когда тяжеловесный мужчина, несколькими годами старше ее, выбирался из джипа. Его глаз не было видно за темными очками. Он был одет в джинсы и ковбойскую рубашку. Выйдя на солнцепек, он достал из машины запятнанную и помятую ковбойскую шляпу, чтобы защитить свою лысеющую голову от солнца. С улыбкой в уголках рта он прислонился к джипу, глядя на приближающегося к нему Отто Оуэна.

– Какого черта тебе здесь надо?! – закричал старик, шагая через двор. Подойдя к нему вплотную и не подав руки, старик воинственно скрестил руки на груди.

Лицо приезжего расплылось в улыбке, несмотря на враждебность Отто, но Карен показалось напускным дружелюбное выражение его лица.

– Я приехал на свадьбу, Отто, – сказал он. – Расселл пригласил меня. Я приехал пораньше, на случай если нужна моя помощь.

– Нам ничего от тебя не нужно, – проворчал Отто.

Мужчина кивнул с очевидной покорностью, видимо привыкнув к подобному приему. Он печально пожал плечами.

– Я не понимаю тебя, Отто, – продолжал он. – Что ты имеешь против того, чтобы увеличить свои доходы?

– Доходы? – повторил Отто Оуэн, краснея и повышая голос от возмущения. – О чем ты говоришь, Хендерсон?

Внезапно Карен осознала, кто был этот человек и почему показался знакомым. Хотя он расплнел и постарел, она помнила Карла Хендерсона с детства. Он был на четыре-пять лет старше ее и когда-то помогал ей и ее друзьям ловить бабочек в полях. Она даже вспомнила, что он поступил в Калифорнийский политехнический институт изучать энтомологию. За про-

шедшие годы она даже несколько раз вспоминала о нем, думая, что он осел в каком-нибудь музее. Но, по-видимому, он остался здесь, где вырос.

– Моя ферма приносила очень приличные доходы долгие годы! – услышала она слова Отто Оуэна, возвращаясь к сцене перед глазами. – Сначала моему отцу, а потом мне. Если бы не ваша банда мерзавцев, она продолжала бы приносить доходы моему сыну и моему внуку.

– Да брось ты, Отто, – ответил Хендерсон, прищулив глаза на рассерженного старика. – И ты прекрасно знаешь, что эти поля уже не те, что были раньше. Мы же не знали, что этот сорт удобрений стерилизует пчел! Какого черта ты хочешь от нас?! Мы заплатили за убытки больше, чем стоил урожай, и мы продолжаем платить. Да и вообще, если бы ты и твой драгоценный папочка не эксплуатировали поля так нещадно, вам бы не понадобилось это удобрение! Если мы оставим вас, вы обанкротитесь в ближайшие пять лет.

– Да пошел ты к чертовой матери со своей помощью! – заорал Отто. – Проклятая химия отравила все вокруг! Неудивительно, что понадобились пчелы-гибриды. Нормальные пчелы не выдерживают вашу отраву! Почему бы вам не убраться отсюда подобру-поздорову?

– Побойся Бога, Отто, – сказал Хендерсон. – Поля надо удобрять и опылять. Я же стараюсь помочь вам! Мы работаем на ваших полях и снабжаем вас пчелами, по правде говоря, я оказываю вам услугу, приглядывая за ульями.

Но Отто не дал ему закончить. Грозя молодому человеку пальцем, он снова заговорил на повышенных тонах:

– Если мы позволим тебе и мерзавцам, на которых ты работаешь, продолжать заботиться о нас, мы все будем отравлены через пять лет! Ваша компания должна называться «Универсальная смертельная», а не «Универсальная урожайная»!

Карен поняла, что все это время она не дышала, с ужасом ожидая, что Отто ударит Карла Хендерсона.

– Отто, – позвала она, сбегая с крыльца и направляясь к мужчинам. – Что случилось? Что здесь происходит?

Отто отвернулся от Карла Хендерсона, сердито посмотрел на Карен, развернулся на каблуках, направился к дому сына и громко хлопнул за собой дверь.

– Боюсь, что это моя вина, – сказал Карл Хендерсон, сделав шаг в сторону Карен. Он внезапно остановился, по-видимому узнав ее, и улыбка расплылась на его лице. – Боже мой, Карен Гилман! Столько лет прошло, а я сразу узнал тебя. И ты такая же хорошенькая, как была в те годы. – Его улыбка погасла. – Ты, наверное, не помнишь меня? – спросил он. – Я ведь уехал в колледж, когда ты заканчивала школу.

– Карл Хендерсон, – улыбнулась Карен, протягивая ему руку. – Конечно, я тебя помню! Ты помогал мне и другим детям ловить бабочек! Но я уже не Гилман, с тех пор, как вышла замуж за своего первого мужа.

– Извини за эту сцену, – произнес Хендерсон, приветственно помахав рукой Расселлу, который появился на крыльце дома, заправляя в брюки рубашку.

– Я решил приехать пораньше, чтобы дать возможность Отто наораться до того, как появятся гости.

Пока Расселл шел через двор, Хендерсон таинственно наклонился к Карен, хотя когда говорил, постарался, чтобы Расселл тоже слышал его.

– Я хочу сообщить тебе секрет, Карен. Твой будущий свекор – сумасшедший. Он просто выжил из ума.

Расселл хлопнул Карла по спине и предложил ему быстренько выпить по маленькой, чтобы помочь пережить это торжество, а Карен вернулась в дом, устало размышляя, с кем Отто затеет очередную ссору и удастся ли ей вообще когда-нибудь выйти замуж, не говоря уже о том, чем закончится сегодняшний вечер.

– Ну хватит прихорашиваться, – заявила Карен полчасика спустя, последний раз посмотрев на себя в зеркало. – Вы обе выглядите роскошно, так что пора мне, наконец, выйти замуж за Расселла.

Она застыла на мгновение, пока Джули осторожно надевала ей на голову миниатюрную шляпку с вуалью. Молли посмотрела на мать, наклонив голову и нахмутив брови.

– А почему вуаль не покрывает полностью твое лицо? – спросила она.

– Потому что я ненавижу вуали, – ответила Карен.

А скорее всего, потому, что она чувствовала себя неловко на своей второй свадьбе, нарядно одетая и под вуалью.

– А теперь дай мне посмотреть на тебя.

Молли приняла позу, а затем сделала пируэт, чтобы показать платье, розовый цвет которого хорошо оттенял свежий цвет лица девочки. Улыбаясь, Карен повернулась к Джули, которая была в новом платье, купленном специально для этого случая, когда выяснилось, что в их гардеробах нет ничего, что можно было бы переделать. Она подозревала, что купила это платье как своеобразную форму подкупа дочери. Она снова посмотрела на дочь, пытаясь увидеть в ее глазах одобрение своей свадьбы.

– Ну, вы готовы сопровождать свою старуху-мать? – спросила она дочек.

Джули колебалась какую-то долю секунды, и Карен видела, как она борется с желанием сделать последнюю попытку отговорить мать от свадьбы. К облегчению Карен, Джули сумела изобразить на лице подобие улыбки, которая выглядела почти натуральной.

– Все готово, – сказала дочь. – И ты выглядишь просто великолепно.

Покинув спальню, Карен и Джули оставались в гостиной, пока Молли спустилась и помачала музыкантам на крыльце дома Расселла, давая им сигнал, чтобы они начинали играть. Первые звуки свадебного марша поплыли по двору, и Молли, взяв корзинку, в которую набрала диких цветов этим утром, вышла на крыльцо. Во дворе было так много народу, что Молли на минуту забыла, что должна делать. Но тут увидела Кевина, стоящего вместе с отцом на крыльце большого дома и подмигивающего ей.

«Я справлюсь, – сказала она самой себе. – И все будет в порядке!»

Черпая пригоршни лепестков из корзинки и разбрасывая их перед собой, Молли начала спускаться по ступенькам. Полностью погрузившись в свою работу, она медленно шла через двор, рассыпая лепестки перед собой. Затем она услышала шепот, пробежавший по толпе, и поняла, что ее сестра и мать тоже вышли из дома. С трудом подавив желание оглянуться, она наконец достигла ступенек, ведущих на крыльцо дома Расселла.

Джули дождалась, пока Молли сошла со ступенек и начала пересекать двор, прежде чем последовать за ней. Теперь, когда спорить с матерью было уже поздно, она внезапно осознала, что ей нравится свадебная церемония. Ей нравилось бледно-голубое платье, которое они с матерью выбрали для нее, и сейчас, направляясь за сестрой к дому Расселла, она поняла, что свадьба удалась. Солнечный июньский день был идеален, и зеленые холмы за домом Расселла прекрасно дополняли картину.

Даже гости, собравшиеся во дворе, хотя она их почти и не знала, выглядели открытыми и дружелюбными. Совсем не то, что люди в Лос-Анджелесе, которые или совсем не смотрели на вас, или смотрели так, как будто в любой момент готовы перерезать вам глотку. А здесь они не только смотрели на нее, но еще и улыбались!

И почти против собственной воли Джули заметила, что улыбается им в ответ, радуясь их дружелюбию и чувствуя, что сегодня, в красивом новом платье и с волосами, падающими водопадом на спину, она выглядела лучше, чем когда-либо раньше.

Но вдруг, почти дойдя до середины двора, она почувствовала на себе чей-то неприязненный взгляд. Взгляд, который пронзил ее праздничное настроение, как холодная сталь, и заставил с трудом сдерживать дрожь, несмотря на теплый вечер.

На мгновение их взгляды пересеклись, и она быстро опустила глаза. Что-то в этом человеке пугало ее, и, продолжая подниматься на холм, Джули почувствовала, что ей хочется обойти его как можно дальше.

Но это же глупо, убеждала она себя. Смотреть никому не запрещено. Он – обычный человек. Однако, проходя мимо него и сознательно стараясь смотреть вперед, она чувствовала, как холодное лезвие его взгляда пронзает ее. Она снова вздрогнула, осознав, что смотрит на него против собственного желания. Их взгляды встретились на какую-то долю секунды, и затем он улыбнулся ей.

Джули почувствовала, что покраснела, и быстро отвела взгляд. Теперь, продолжая идти вперед, она изо всех сил боролась с собой, чтобы не ускорить шаг. Перед самым крыльцом она осмелилась оглянуться.

Карл Хендерсон все еще смотрел на нее.

Внезапно Молли забыла, что ей нужно делать.

Она достигла ступенек крыльца, но что же дальше? Она не могла вспомнить, следует ли ей подниматься на крыльцо.

Едва почувствовав прилив паники, она увидела, как Кевин сигнализирует ей. Она быстро разбросала оставшиеся лепестки по ступенькам крыльца, понимая, что сестра и мать догоняют ее, взбежала на крыльцо и встала рядом с Кевином, который взял ее за руку, когда по толпе пробежал смех. Почувствовав одобрительное пожатие Кевина и увидев улыбку на лице матери, она решила, что все прошло хорошо. Джули, хмурое выражение лица которой выдавало ее чувства, присоединилась к Молли на крыльце, а ее мать направилась к Расселлу, который стоял рядом со священником.

Церемония началась.

Молли старалась сосредоточиться на словах священника, но ее отвлекало жужжание пчелы. Она быстро оглянулась, с испугом подумав, что это возвращается пчелиный рой.

Но это была всего одна пчела, кружащаяся над цветами, которые она разбросала по ступенькам.

Молли старалась не думать о ней, но пчела все приближалась.

А что, если она ужалит маму прямо в разгар церемонии?

Пчела была совсем рядом с Молли, и, если бы ей удалось раздавить ее, она бы не смогла ужалить ее маму! Она попыталась приблизить свою ногу к пчеле, но та отлетела. Когда пчела снова подлетела достаточно близко, Молли подняла ногу, готовясь раздавить ее, но пчела опять исчезла.

С минуту Молли не знала, куда исчезла пчела, но потом почувствовала ее на своей ноге и поняла, где она.

Пчела была под ее платьем!

И она ползла по ее ноге все выше и выше!

Молли с трудом подавила желание поднять подол, чтобы выпустить пчелу. Она старалась стоять совершенно неподвижно, с трудом перенося щекотание насекомого, ползающего по ноге.

Наконец она не удержалась и слегка пошевелила ногой. И тут же почувствовала обжигающее жало пчелы, погружающееся в ее тело.

Она сильно вздрогнула, но с огромным трудом сумела сдержать крик, рвущийся из горла.

Когда же, когда же священник наконец закончит?

Молли попыталась прислушаться, но жжение быстро распространялось по ноге, и она почувствовала себя как-то странно. Затем сквозь боль она услышала слова:

– Объявляю вас мужем и женой. Расселл, можете поцеловать вашу невесту!

Она увидела, как Расселл поцеловал ее мать. Молли попыталась подойти к матери, но прежде, чем коснуться ее руки, почувствовала, что дышать становится все труднее. Она застонала и прислонилась к Кевину, оглянувшемуся на нее.

– Что с тобой, Молли? – услышала она его вопрос.

Ее глаза расширились, и она попыталась заговорить, но горло перехватило, и ей удалось издать только тихий шепот:

– Пчела укусила меня...

Слезы застилали ее глаза, когда она показала рукой на место на ноге, откуда жар быстро растекался по всему телу. И хотя боль в месте укуса была почти невыносимой, когда она коснулась его рукой, не почувствовала своих пальцев.

Подняв подол платья, она с ужасом смотрела на свою ногу, воспаленную и покрасневшую гораздо больше, чем когда она обгорела на солнце прошлым летом. На месте укуса было белое пятно, в центре которого виднелось жало, вырванное из тела пчелы. Молли попыталась достать жало из распухшей ноги, но нервы начали сдавать, и ей никак это не удавалось. Она попыталась закричать от боли и ужаса, но вместо крика издала только слабый хрип.

Привлеченная этим странным звуком, Джули взглянула на сестру и в ужасе схватила мать за руку. Напуганная Карен бросилась от Расселла к дочери.

– Детка? – начала она.

Но тут вмешался Кевин и объяснил, что случилось.

– У нее аллергическая реакция на укус пчелы, – сказал он.

– Сейчас я принесу лекарство.

Карен склонилась над младшей дочерью, дыхание которой становилось все слабее, а Кевин бросился в дом и почти мгновенно вернулся с аптечкой первой помощи. Расселл взял из набора шприц с антиаллергеном и быстро сделал укол Молли в бедро.

Видя, что дыхание Молли слабеет с ужасающей быстротой, Расселл взял ее на руки.

– Она уже в шоке, и укол не помогает, – сказал он Карен. – Нужно как можно скорее доставить ее в клинику.

Держа слабо и беспомощно стонущую Молли на руках, он стал проталкиваться через толпу. Карен следовала за ним. Джули, пораженная быстротой происшедшего, попыталась пойти за ними, но, прежде чем догнала их, они уже сели в автомобиль и отъехали. Она смотрела им вслед, ощущая свою полную бесполезность.

Глава 4

– Все будет в порядке, Молли, – шептала Карен, – все будет хорошо.

Но, держа дочь на руках, она сомневалась в правоте собственных слов. Нога Молли продолжала распухать, и ее колено, которое она уже не могла сгибать, практически исчезло в опухоли. Дыхание девочки затруднялось с каждой секундой, а ее кожа стала ярко-красной.

– Пожалуйста, быстрее, – попросила она Расселла с тревогой в голосе, которую старалась скрыть от Молли.

– Мы будем на месте через минуту, – ответил Расселл. – Они позвонили доктору Филмор, чтобы предупредить о нашем приезде. С Молли все будет в порядке.

– Что же все-таки с ней случилось? – недоумевала Карен. – Ведь ее и раньше кусали пчелы.

– Я знаю не больше твоего.

До города оставалось четверть мили, когда Расселл резко затормозил и свернул на парковку возле маленькой клиники, которую год назад закончили строить на деньги, собранные городом почти за десять лет. Как он и обещал, двери клиники распахнулись, едва они приблизились к ней, и женщина лет тридцати пяти придержала дверь для Карен, которая, прижимая к себе Молли, поспешила внутрь.

– Несите ее в тот кабинет, – сказала женщина, указывая на одну из дверей.

Влетев в кабинет, Карен была поражена, обнаружив, что он пуст. Чувствуя, как паника душит ее, она обернулась к женщине.

– Где доктор Филмор? – спросила она. – Расселл сказал...

– Я Элен Филмор, – представилась женщина. – Давайте снимем с нее одежду.

Пока Карен придерживала Молли, Элен Филмор быстро расстегнула пуговицы на платье Молли и сняла его. Главным украшением красивого овального лица Элен, обрамленного рано седеющими волосами, были теплые карие глаза.

– Теперь давайте уложим.

Осторожно Карен опустила дочь на смотровой стол. Дыхание Молли становилось все более и более затрудненным, а ярко-красный цвет ее лица начал приобретать синюшный оттенок.

– О боже! – крикнула Карен. – Она почти не дышит!

Но Элен Филмор, со странно выглядящим пластмассовым предметом в руках, решительно оттеснила Карен в сторону. Молодой человек, одетый в белые брюки и светло-зеленый халат, стоял с другой стороны стола.

– Дадим ей противоаллергическое? – спросил он.

– Не нужно, – ответила доктор.

Скороговоркой она объясняла Карен, что делает, вставляя в рот Молли предмет, состоящий из двух трубок, разделенных в центре большой пластмассовой пластинкой.

– Ее горло распухает, блокируя трахею. Сейчас мы вставим вот этот воздуховод...

Доктор замолчала, сосредоточив все внимание на своей задаче. Фельдшер держал рот Молли открытым и специальным прибором отодвинул язычок девочки в сторону. Карен напряглась, когда пластиковая трубка начала скользить в горле девочки, вызвав у нее рвотный рефлекс, но тут же грудная клетка Молли расширилась, когда она сделала глубокий вдох, и воздух начал поступать в легкие. Вскоре синюшный оттенок исчез с лица девочки, но ненормальная краснота осталась.

– Не волнуйтесь из-за красноты, – успокоила Элен Филмор. – Главное, что она дышит, и самое страшное уже позади. – И ее внимание переключилось на фельдшера. – Сделайте ей еще один укол антиаллергена, Роберто.

Когда фельдшер направился к выходу, Расселл, который переминался у двери, сказал:
– Я уже сделал ей укол антиаллергена. Кажется, это не дало никакого эффекта.

Элен Филмор, которая измеряла давление у Молли, нахмурилась и посмотрела на Расселла:

– Вы уверены, что антиаллерген был от пчел, а не от змей?

Кровяное давление Молли оказалось опасно низким.

– Я сделал ей тот укол, который нужно, – заявил Расселл, – и лекарство было свежим, я заменил его всего месяц назад.

– Тогда дело серьезное. – Элен нахмурилась еще сильнее и начала делать заметки в блокноте.

– Нам придется отправить ее в госпиталь в Сан-Луисе.

Карен почувствовала, как ее страх переходит в панику. Как бы защищая ее, она положила руку на дочь, которая, к счастью, казалось, не слышала, о чем они говорят.

– В Сан-Луис? – повторила она. – А почему мы не можем вылечить ее здесь?

Элен повернулась к Расселлу, не отвечая на вопрос Карен:

– Карл Хендерсон был на свадьбе?

Расселл кивнул.

– Хорошо. Позвоните ему и спросите, можно ли воспользоваться его самолетом. Если он уже уехал, найдите его.

Доктор Филмор повернулась к Карен, разговаривала с ней, пока готовила правую руку Молли к уколу.

– На всякий случай я попробую сделать еще один укол антиаллергена, но, если он не поможет, дело затрудняется.

– Затрудняется? – повторила Карен, тут же подумав о самом плохом исходе. – Боже мой, неужели Молли...

Она тут же оборвала себя, не желая, чтобы Молли услышала, как она скажет слово «умрет».

Элен Филмор, прекрасно понимая, что пыталась сказать Карен, покачала головой.

– Даже и не думайте об этом, – заверила она Карен. – У вашей дочери когда-нибудь раньше была аллергическая реакция на укусы пчел?

Карен повторила то, что сказала Расселлу в машине.

– Как и все дети, она иногда наступала на пчел. Поплачет, пока у нее вытащишь жало, а потом занимается своими делами. У нее никогда даже не было отека.

Она взглянула на искаженное болью лицо Молли, и глаза ее наполнились слезами, которые она так долго сдерживала.

Фельдшер вернулся со шприцем, и Элен Филмор сделала укол, наблюдая за возможной реакцией Молли.

Реакции не было.

– Оставайся с ней, Роберто, – сказала врач. – Ситуация, кажется, стабилизировалась, если будет малейшее изменение, немедленно зови меня.

Она вывела Карен из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Кажется, у вашей дочери появилась аллергия. Так случается иногда, годами нет никакой реакции на пчелиный яд, а потом – бац. Что меня действительно беспокоит, – продолжала она, – так это отсутствие реакции на антиаллерген. Лекарство должно было снять аллергию, но, возможно, оно не действует на эту особенную породу пчел.

Сначала Карен не могла понять, о чем говорит доктор, но потом вспомнила сенсационные статьи в газетах Лос-Анджелес а за последние два года.

– Вы говорите о пчелах-убийцах? – прошептала она, слегка бледнея.

– Я этого не говорила, – ответила Элен. – Для меня будет большим сюрпризом, если это пчела-убийца. Африканская порода пчел не распространилась так далеко на север, насколько это известно, кроме того, воздействие пчел-убийц совсем другое. Они просто более агрессивны, чем наши пчелы, но поодиночке они не представляют опасности. Похоже, здесь что-то другое.

Прежде чем Карен успела ответить, в комнату вошел Расселл.

– Я договорился с Карлом. Он уже на пути в аэропорт. Мы все встретимся с ним там.

– Хорошо, – кивнула Элен.

Она отвела их назад в комнату, где лежала Молли. Даже на неопытный взгляд Расселла, опухоль увеличилась, и, хотя девочка дышала через воздуховод, каждый вдох давался ей с трудом. Переживет ли она перелет?

Поглядев на несчастную девочку, Расселл не мог найти нужных слов.

– Все будет хорошо, – сказала ему Элен. – Мы отвезем ее в аэропорт на машине скорой помощи, и я полечу вместе с вами в Сан-Луис. У Карла есть спутниковый телефон в самолете, так что я могу переговорить с больницей во время полета. Мы договоримся, чтобы машина скорой помощи встречала нас в аэропорту. Поехали.

Молли пересадили в коляску, и доктор объяснила Расселлу, как регулировать кислород, поступающий в воздуховод, а также объяснила Карен, как регулировать капельницу.

– Вам практически ничего не нужно делать, – сказала она, увозя коляску в коридор. – Но если ее состояние изменится во время перелета, у меня не будет времени, чтобы объяснить, что нужно делать. Важно держать сосуд капельницы всегда выше Молли, чтобы жидкость постоянно поступала в ее руку. И если я скажу выключить капельницу, то это делается вот этим краном. Нужно следить, чтобы раствор из капельницы все время поступал в руку Молли.

Работая как одна команда, Элен и Роберто толкали коляску, Расселл нес баллон с кислородом, а Карен – сосуд от капельницы, они быстро погрузили Молли в машину скорой помощи и через десять минут прибыли в аэропорт, где Карл Хендерсон уже разогревал двигатель самолета.

Они занесли Молли в самолет, уложив ее на кресло. Расселл, сидя рядом с пилотом, оглянулся назад на Карен, которая, сгорбившись, сидела вместе с Элен Филмор на задних сиденьях.

– Мы будем самыми нарядными посетителями больницы, – сказал он, пытаясь выдавить из себя улыбку.

Карен попыталась ответить на его улыбку, но тут Молли застонала, и она прикусила губу, пытаясь сдержать слезы.

Господи, только бы Молли не умерла, молилась она про себя.

Джули повесила трубку телефона на кухне. За закрытой дверью, ведущей в столовую, она слышала тихие голоса нескольких гостей, которые еще все оставались на ферме в ожидании новостей о здоровье Молли. Собравшись с силами для ответов на их вопросы, она открыла дверь и подошла к небольшой группе друзей ее отчима.

– По-видимому, они не вернутся сегодня домой, – сказала Джули. – Состояние Молли все еще тяжелое, и мама очень напугана.

Заметив на крыльце Кевина, Джули быстро вышла на улицу, с удовольствием вдохнув свежего воздуха.

– Мама только что звонила, – сообщила она. – Они перевезли Молли в больницу в Сан-Луис, и она не знает точно, когда они вернутся домой. Может, завтра, а может, и послезавтра.

Кевин тяжело вздохнул, не зная, что сказать. Он вспомнил выражение боли, которое видел в глазах Молли час назад, и к его горлу подступил комок. Скрывая свое беспокойство за Молли, он попытался улыбнуться:

– Ничего себе свадьба, а? Думаю, что нам нужно сказать всем, кто еще остался, что они могут тоже разъезжаться по домам. – Он оглянулся на дом, где столы ломились от угощений. – Жаль, что все это пропадет.

Джули возмущенно посмотрела на него.

– Как ты только можешь думать об этом? Неужели тебя не беспокоит состояние моей сестры? Ты что думаешь, она специально дала пчеле укусить себя?

– Конечно нет, – ответил Кевин, пораженный взрывом гнева Джули. Что случилось, черт возьми?! Почему она так внезапно рассердилась? – Я только хотел сказать...

– Я слышала, что ты сказал. Это прозвучало так, как будто ты думаешь, что Молли нарочно...

– Я вообще ничего не говорил о Молли, – запротестовал Кевин.

Раздался стук двери, и появился Отто Оуэн, сердито разглядывая их.

– Что здесь происходит?

Не успел Кевин открыть рот, как Джули повторила свое обвинение.

– Что ж, он прав, – проворчал Отто. – Если бы вы, дети и ваша мать, остались там, где жили, твою сестру не ужалила бы пчела.

Джули открыла рот от удивления и расплакалась. Закрыв лицо руками, она побежала в сторону конюшни.

Кевин рассерженно взглянул на деда:

– Что это ты, дед?

– Но это же правда, – сказал старик. – Им здесь нечего делать!

Кевин взорвался:

– Отец и Карен поженились, дедушка! Он любит ее, и она мне тоже нравится. – Слова все быстрее и быстрее срывались с его губ. – Конечно, она не заменит мне мать, мама умерла, и здесь ничего не поделаешь! Но мне нравятся Джули и Молли, и, если Молли умрет, я не знаю, что сделаю. Она для меня, как младшая сестра! Так что прекрати, дед, хорошо?

Прежде чем Отто успел ответить, Кевин повернулся, одним прыжком соскочил с крыльца и последовал за Джули.

Отто нахмурился, и на лбу его вздулись вены. Он хотел было последовать за Кевин, но потом повернулся и вошел в дом, пробираясь мимо гостей к столу. Он хотел налить себе стакан пунша, но передумал и направился к боковому столу, на котором стояло несколько бутылок. Налив себе приличную порцию виски, он одним глотком осушил ее и снова налил.

Дети! Они становятся все хуже и хуже! Если бы он позволил себе говорить со своим дедом так, как говорил с ним Кевин, его отец задал бы ему такую взбучку, что он помнил бы всю жизнь.

Выпив вторую рюмку виски так же быстро, как и первую, он снова наполнил ее.

Может быть, напиться? И задать Кевину взбучку, которую он заслуживает?

– Джули, ты здесь?

Кевин вошел в сумрак конюшни, остановившись, чтобы дать глазам привыкнуть после яркого солнечного света снаружи. Он прислушался, но ничего не услышал, кроме обычных звуков конюшни. Лошади переминались в своих стойлах, а несколько цыплят подбирали с пола рассыпанные зерна. Затем Кевин услышал какой-то звук с сеновала.

Плач.

Он начал карабкаться по лестнице на сеновал, но остановился, услышав голос Джули сверху.

– Не подходи ко мне! – крикнула она сквозь слезы. – Оставь меня в покое!

Поколебавшись, Кевин поднялся по лестнице, чтобы видеть сеновал. Сидя на охапке сена, она повернулась к нему спиной.

– Я же сказала тебе не приближаться ко мне!

Кевин сделал несколько шагов в ее сторону.

– Я просто хотел сказать, и я не знаю... – Засунув в карманы руки, он потупил глаза. – Я просто хотел извиниться, – пробормотал он. – Я вовсе не имел в виду, что Молли хотела помешать свадьбе, мне нравится Молли, она очень симпатичная. И конечно, дед не прав. Я даже не знаю, зачем он говорит такие вещи.

– Возможно, он прав, – сказала Джули, все еще не оборачиваясь. – Может, нам не следовало приезжать сюда. Во всяком случае, это была не моя идея.

Чувствуя сострадание к Джули, Кевин с трудом подавил в себе желание подойти к ней поближе. Вместо этого он сел на пол сеновала и поднял соломинку, которую нервно крутил в пальцах во время разговора.

– Так ты не хотела приезжать сюда?

– А зачем мне было приезжать сюда? – Джули, все еще не смотрела на него. – Оставить своих друзей и школу, чтобы жить в этом скучном городишке?

Кевин возмущенно нахмурился, сильно напоминая Отто, но потом сдержал гнев.

– Я никогда об этом не задумывался, – признался он, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть Джули. – Просто потому, что мне нравилось здесь, я думал, что и всем нравится тоже. Теперь я понимаю, как это глупо.

Джули кивнула, но ничего не сказала.

– Во всяком случае, мне очень жаль, – продолжал Кевин. – Жаль, что Молли укусила пчела и что она теперь в больнице. Жаль, что свадьба из-за этого случая скомкана. Я вовсе не хотел обидеть тебя.

Кевин замолчал, ожидая, что скажет Джули. Но она тоже молчала, и он поднялся и стал спускаться по лестнице.

– Кажется, я вел себя глупо, и я не виню тебя за то, что ты не хочешь со мной говорить. Он спускался по лестнице, когда Джули обернулась:

– Кевин?

Он остановился, ожидая.

Поправляя волосы, Джули попыталась улыбнуться.

– Я не знаю, здесь все по-другому и у меня нет друзей...

Кевин быстро вскарабкался на сеновал и подошел к ней, опустившись на корточки около охапки сена, на которой она сидела.

– Ты пробыла здесь всего несколько дней, – сказал он, но здесь полно молодежи. – Я хотел тебя представить всем во время праздника, но ты пряталась на кухне.

Джули покраснела.

– Я так беспокоилась о Молли, – призналась она, заикаясь. – А что, если сестра умрет?

Кевин взял ее за руку.

– Она не умрет, Джули. Никто не умирает от пчелиного укуса. Ей сделают укол, и все будет в порядке. Вот увидишь. А теперь пошли, я тебя познакомлю с соседями.

Джули все еще колебалась.

Беспокойство о Молли было не единственной причиной, из-за которой она оставалась на кухне.

Прежде всего – Карл Хендерсон. Она поймала его взгляд, по крайней мере трижды, прежде чем он уехал, чтобы отвезти Молли в больницу. И каждый раз его взгляд как-то странно тревожил ее. Не расспросить ли Кевина о нем? Но она уже знала, что Карл – друг ее нового отчима. Если она спросит, не сумасшедший ли он, Кевин подумает, что она ищет повод для ссоры.

Но неприязнь к Карлу Хендерсону была только одной из причин, по которой она не участвовала в празднике. Причина, хотя она скорее умрет, чем признается Кевину, была в том, что

Кевин постоянно находился в обществе трех девушек с того момента, когда родители увезли Молли в больницу. Как она могла объяснить ему свою боязнь, что он не представит ее своим друзьям, а может, даже и не заметит, если она попытается присоединиться к их группе?

– Были и другие причины, правда? – спросил Кевин.

Джули поколебалась, но потом все-таки покачала головой, не желая сказать ему правду. Она решила, что будет лучше промолчать.

Не дождавшись ответа, Кевин встал и поднял ее.

– Ну пошли, – сказал он ей. – С Молли все будет хорошо. Давай вернемся в дом. – Он выглянул с сеновала во двор. – Там все еще полно людей и столы накрыты. Раз родители уехали, придется нам обо всем позаботиться. Похоже, что нам придется играть роль хозяина и хозяйки, ведь свадьба все-таки состоялась.

Джули бросила взгляд в сторону дома.

– Я никого не помню по именам... – начала она.

– Я буду рядом с тобой и представлю тебя всем, кто еще остался, – предложил Кевин. – Не беспокойся и отряхни сено с платья.

Джули посмотрела на подол своего прекрасного голубого платья, которое было совершенно новым всего несколько часов назад. Теперь оно было смято и покрыто трухой от сена.

– Боже, я выгляжу ужасно! – простонала она.

Впервые за время пребывания в конюшне Кевин улыбнулся:

– Ты прекрасно выглядишь. Ты намного красивее всех других девушек.

– Но мое платье... – начала Джули.

– Они подумают, что мы не просто так уединились здесь. – Кевин засмеялся, когда Джули сильно покраснела. – Ребята просто лопнут от зависти. Они все умоляли меня, чтобы я познакомил их с тобой.

– Но между нами ничего не было, – запротестовала Джули.

Кевин улыбнулся еще шире:

– Не бойся, я никому не скажу.

– Но ведь они подумают... – И тут Джули поняла, на что намекал Кевин, и почувствовала, что запуталась. Она инстинктивно сжала его руку.

– Извини, что устроила тебе сцену, – мягко произнесла она, испытывая странное смещение, когда он сжал ее пальцы в своей руке, сердце сильно забилося. – Не могу понять, что на меня нашло.

– Ну, теперь все в порядке, – усмехнулся Кевин. – Во всяком случае, я не сержусь на тебя, а ты не сердись на меня. Но дед ужасно рассердился на нас обоих.

– На нас обоих? – повторила Джули. – Почему он может рассердиться на тебя?

– Потому что я сказал ему, что он не прав, – пояснил Кевин.

Он вздрогнул, вспомнив ярость в глазах деда, когда оставил его на крыльце.

– Мне показалось, что он готов наброситься на меня.

Все еще держа Джули за руку, Кевин начал спускаться по лестнице.

– Мы просто не будем попадаться ему на глаза, и он остынет. Дед быстро свирепеет, но так же быстро остывает. Пошли, поищем для тебя друзей. Но если кто-нибудь начнет ухаживать за тобой, ему не сдобровать!

Пока они спускались по лестнице, Джули размышляла, что могут означать последние слова Кевина.

Имел ли он в виду, что он теперь ее старший брат? Или намекал на что-то другое?

К ее собственному изумлению, Джули совершенно отчетливо поняла, что надеялась на другое. Она вовсе не хотела, чтобы Кевин Оуэн принял роль ее старшего брата!

Карен стояла, окаменев от ужаса, в одной из палат больницы в Сан-Луисе, глядя на дочь. Говоря с Джули по телефону, она старалась держать себя в руках, но сейчас, когда видела

неестественно красное лицо Молли и чудовищно распухшую ногу, она ощутила, как в ней вновь поднимается паника. Девочка дышала с трудом, и ее лицо настолько распухло, что большие голубые глаза казались щелками.

Почему они ничего не делают?

Почему доктор беседует с Элен Филмор вместо того, чтобы помочь Молли?

– У нее были случаи аллергических реакций? – Карен услышала чей-то вопрос и поняла, что местный врач спрашивает ее.

Хотя на карточке, приколотой к его груди, было написано «Доктор Пол Мартин», он выглядел как выпускник средней школы, а не медицинского вуза.

– Никогда, – ответила она, покачивая головой.

Мартин нахмурился и начал, как показалось Карен, бесконечную процедуру повторения осмотра Молли, который Элен Филмор уже провела в Плезент-Вэлли. Медсестра стояла рядом с ним, делая пометки, и, когда терпение Карен было готово лопнуть, врач пробормотал что-то похожее на приказ принести лекарство. Медсестра вышла, и почти сразу вернулась с пузырьком и шприцем.

– Что это? – спросила Карен неестественно громким голосом. – Что вы хотите ей дать?

– Это новый препарат антивенина, – ответил доктор и вонзил иглу в руку Молли.

Минуту спустя, он вынул иглу и бросил ее в урну, осторожно касаясь крошечной ранки кусочком ваты.

– Позвольте мне, доктор, – вмешалась медсестра.

Мартин без возражений отдал вату медсестре, но продолжал сидеть на постели Молли. Затем он наклонился над ней и осторожно приоткрыл ее глаз.

– Что-нибудь не так? – прошептала Карен.

Но прежде чем доктор ответил, рука Молли дернулась, и секунду спустя цвет ее лица начал меняться, краснота постепенно исчезала.

– Что происходит? – волновалась Карен, не уверенная в реакции Молли на лекарство. – Лекарство действует?

– Помогите мне с воздуховодом, – сказал Мартин медсестре, так и не ответив на вопрос Карен.

Пока медсестра крепко держала голову Молли, прижав ее к подушке, не давая ей инстинктивно отстраниться от рук доктора, Мартин осторожно вытащил пластиковую трубку из ее горла. Карен бессознательно так вцепилась в спинку кресла, что ногти вонзились в виниловую обивку. Она смотрела на Молли не отрываясь. Только когда девочка с делала глубокий вдох, Мартин взглянул на Карен улыбаясь.

– Опухоль в горле уже спала, а цвет лица почти нормальный, она справится.

Как бы в ответ на слова доктора Молли открыла глаза и прошептала:

– Мама?

– Я здесь, дорогая, – ответила Карен, наклоняясь к ней и беря ее за руку. – Я здесь, и все будет хорошо!

Молли посмотрела вокруг и нахмурилась.

– Где я?

– В больнице, в Сан-Луисе, – объяснила Карен.

Голова Молли стала проясняться, и она, вспомнив, что случилось, нахмурилась еще сильнее.

– Я сорвала свадьбу? – спросила она. – Все на меня рассержены?

Слезы облегчения побежали по щекам Карен, и она поцеловала пальцы Молли.

– Никто и не думает на тебя сердиться. Просто у тебя аллергическая реакция на пчелиный укус. Ты не виновата. Все будет отлично.

Молли, все еще не успокоившись, попыталась сесть.

– А где все? Джули тоже здесь?

Карен покачала головой:

– Только я, Расселл и доктор Филмор. В самолете больше ни для кого не хватило места.

– В самолете? – удивленно спросила Молли.

– Мистер Хендерсон привез нас сюда на самолете, – объяснила Карен. – Он работает на компанию «Юнигроу», которая помогает Расселлу повысить урожайность его полей.

– И вернемся домой тоже на самолете, – сказал голос позади нее.

Повернувшись, Карен увидела Карла Хендерсона и Расселла, которые стояли у двери.

– Нам сказали, что можно войти, – улыбнулся Расселл, подходя к Молли и целуя ее в щеку. Он сделал вид, что пытается пощекотать ее. – Ну, как тут моя любимица?

Молли захихикала и отодвинулась от его пальцев.

– Я думала, что мама – твоя любимица!

– Сразу после тебя, – ответил Расселл. – Ну что, чувствуешь себя лучше?

Молли кивнула.

– Нога вот только побаливает.

– Это скоро пройдет, – заверил доктор Мартин. – Он повернулся к Карлу Хендерсону: – Ваше лекарство помогло почти мгновенно.

Увидев удивленно поднятые брови Хендерсона, доктор смутился.

– Ведь вы сказали, что он работает на фирме «Юнигроу»? – спросил он Карен.

Не дожидаясь ответа Карен, Хендерсон кивнул:

– Это так, но при чем здесь Молли?

Пол Мартин еще более смутился.

– Вы не знаете о разработках вашего фармацевтического отдела?

Хендерсон наконец понял.

– Не имею к ним никакого отношения, я – энтомолог и специализируюсь на сельскохозяйственных насекомых. У нас большая компания, и одни отделы не знают, что делается в других. Мне повезло, я работаю в Плезент-Вэлли самостоятельно.

Мартин передал ему пузырек, который все еще стоял на тумбочке рядом с кроватью.

– Удивительная штука, кажется, она работает намного быстрее, чем любое другое лекарство.

– Как оно называется? – вмешалась Элен Филмор.

Пол Мартин скривил рот.

– Пока оно не имеет фирменного названия. Они его называют по основному химическому компоненту, я вряд ли смогу выговорить его. – Он подмигнул медсестре. – Мы называем его – новое лекарство «Юнигроу» от пчелиных укусов. Звучит достаточно научно?

– Мне нравится, – усмехнулась Элен. – Может быть, под этим именем его и следует выпустить на рынок. Тогда наконец доктора заговорят на том же языке, что и пациенты. – Она кивком указала на пузырек, который все еще держал в руках Карл Хендерсон. – Вы можете достать мне это лекарство? – спросила Элен.

– Почему бы нет, – ответил Хендерсон. – Если оно есть в каталоге, то вообще нет никаких проблем. А если его там нет, то придется немножко повозиться.

Элен Филмор пожала плечами:

– Если лекарство даже не поступило на рынок, я хочу знать о нем все. В крайнем случае, я хотела бы принять участие в его окончательных испытаниях. Если у нас еще повторятся такие ужасные пчелиные укусы, то имеющееся лекарство против них совершенно не действует.

Хендерсон кивнул:

– Я подумаю, что можно сделать. – Он посмотрел на доктора Мартина и спросил: – Можно забирать Молли домой?

Пол Мартин покачал головой.

– Ни в коем случае, – ответил он. – Я только что ввел ей довольно значительную дозу совершенно нового лекарства и не могу ее выпустить отсюда, пока не буду убежден, что нет никаких побочных эффектов. – Он с улыбкой повернулся к девочке. – Мне очень жаль, но придется поместить тебя в отдельную палату на ночь, и там не будет ничего, кроме телевизора, видеомагнитофона и целой стопки кинофильмов.

Глаза Молли загорелись.

– У вас есть «Бемби»? – спросила она. – Я ужасно люблю «Бемби».

– Вполне возможно, – ответил Мартин, – а если нет, то, уверен, ты можешь уговорить своего папу, чтобы он приобрел тебе эту кассету.

Молли взглянула на Расселла.

– Он не мой папа, он...

– Я ее приемный отец, – пояснил Расселл, – постараемся найти кассету с «Бемби».

Он обнял Карен за талию.

– А не провести ли нам медовый месяц в Сан-Луисе? – спросил он. – Конечно, это не Париж...

– Замечательно, – улыбнулась Карен, – и я даже знаю, где мы остановимся. В гостинице «Мадонна».

– Отлично, – согласился Расселл. – Я всегда искал повод, чтобы остановиться там, и вот он наконец-то нашелся. – Он наклонился и поцеловал Молли. – Спасибо, принцесса. Я не знаю, как у тебя это получилось, – жаль, что тебе придется провести ночь в больнице, – но ты это сделала. Свадьба удалась на славу. Твоей маме и мне не пришлось возиться с большим праздником на ферме, а теперь мы еще проведем медовый месяц в месте, о котором давно мечтали. И всем этим обязаны тебе. Прежде чем мы уедем завтра домой, ты получишь подарок. Так что начинай обдумывать, что бы хотела получить.

Молли, окончательно убедившись, что ни мать, ни отчим не сердятся на нее, счастливо кивнула, и медсестра повезла ее в палату, где ей предстояло провести ночь.

Когда она устроилась в постели, опухоль на ее ноге начала спадать и боль от укуса практически исчезла.

Она и не догадывалась, что была на волосок от смерти.

Интермеццо

ДОН

Это кошмар.

Ну конечно же, это кошмар, и через несколько минут она проснется.

Она проснется в своей спальне в Лос-Баносе и через тонкую перегородку услышит голоса Элвиса Дженкса и матери, которые всегда ссорились, пытаясь справиться с похмельем с помощью кофе.

Мрак исчезнет, и она освободит руки и ноги от мешающего их движениям покрывала и увидит утренний свет через окно спальни. Но пока ее мозг медленно освобождался от темного мрака сна, в окружающей темноте не появилось ни единого намека на свет. Дон Сандерсон поняла, что надеяться не на что, так как с ней происходило нечто гораздо более ужасное, чем обычный кошмар.

У нее не было ни малейшего представления, как долго она пробыла в темноте.

Несколько часов, дней или, может быть, недель?

Она просто не знала.

Время потеряло для нее всякое значение.

Может быть, попробовать закричать?

Дон вспомнила, что уже пыталась кричать.

Но когда это было, в памяти не сохранилось.

Рыдания сотрясли ее тело, почти бесшумные рыдания.

Она полностью пришла в сознание, ожидая знакомую острую боль в руках.

Дон была подвешена на веревке за руки, связанные над головой. Стоило ей согнуть колени, как ноги вообще не касались пола тюрьмы, и казалось, руки вот-вот вырвутся из плечевых суставов.

На этот раз боль исчезла. С непередаваемой радостью Дон подумала, что ее, вероятно, освободили от веревок. Но когда попыталась пошевелить своим обнаженным телом, почувствовала, как ее босые ноги отделились от пола. С ужасом Дон осознала, что случилось.

Ее вовсе не освободили от веревок. Просто руки и ноги потеряли чувствительность.

Когда эта мысль просочилась в ее сознание, она смутно почувствовала новую боль.

Ужасный холод, глубоко проникший в ее тело и словно исходивший от онемевших плеч.

Почему это с ней произошло?

Каждый раз, пробуждаясь ото сна, не приносившего ни отдыха, ни выхода из создавшегося положения, она пыталась найти разумное объяснение тому, что с ней случилось.

Она хотела всего лишь уйти из дома!

И мужчина был таким симпатичным. Он вовсе не пытался втащить ее в свою машину.

Он всего лишь предложил подвезти ее. И она согласилась только потому, что он, вроде бы, не проявлял ни малейшего интереса, поедет она с ним или нет.

Он купил ей чашку кофе, и она внезапно почувствовала себя странно.

На следующее утро она медленно пришла в себя в темноте с острой болью в руках. Они были подняты над головой, и связывавшие их веревки глубоко врезались в кожу.

Она закричала изо всех сил и кричала, пока ее голосовые связки не отказали и из горла вырывался только тихий шепот.

Когда она кричала, дверь внезапно открылась, и на несколько секунд она увидела его лицо.

На нем больше не было дружелюбной улыбки, как в момент их первой встречи. Его губы были искривлены в жестокой усмешке, а в глазах было странное выражение, которое она запомнила в машине, прежде чем потерять сознание.

– Тебе это не поможет, – сказал он. – И никому не помогло.

Дверь закрылась, но, несмотря на его слова, Дон продолжала кричать, пока не потеряла голос.

Она видела его еще два раза.

Он открывал дверь и стоял, молча глядя на нее несколько мгновений, затем снова закрывал дверь, оставляя ее в ужасающей темноте.

Она постаралась запомнить то, что увидела, пока дверь была открыта.

Подвал.

Она находилась в подвале с бетонными стенами и тяжелыми балками, поддерживающими потолок.

И это было все, что ей удалось узнать.

Иногда Дон слышала его голос. Несколько раз, когда просыпалась, она слышала его тихий голос, как будто он говорил с кем-то.

Однако ответный голос ей услышать не удалось, и она в конце концов решила, что этот человек разговаривает с самим собой.

Дон продолжала висеть в темноте, и ужасный холод в плечах неуклонно распространялся по всему телу. Кроме того, ее начал преследовать голод и невыносимая жажда. Борясь с жаждой, она попыталась облизать губы, пыталась набрать достаточно слюны, чтобы увлажнить страшную сухость во рту, но язык ощущался, как комок ваты, сухой и распухший, грозивший задушить ее.

Медленно, очень медленно Дон Сандерсон начала осознавать правду.

Она умирала.

Вот что означал этот холод.

Она больше не чувствовала своих рук, потому что они уже умерли, и теперь холод смерти распространялся по всему ее телу.

Как долго это будет продолжаться? Может быть, это займет всего несколько минут, а может, ужас и агония мрака будут длиться вечно?

Почувствует ли она момент смерти?

И Дон Сандерсон заплакала беззвучно и без слез.

Затем она услышала какие-то звуки, доносящиеся из-за пределов окружавшей ее темноты.

Это был он, он опять появился в подвале.

Дон прислушалась, молясь, чтобы дверь открылась и чтобы на этот раз он не только смотрел на нее, а предложил ей чашку воды. Не обязательно пить, достаточно хотя бы смочить губы.

Звук приближался.

Он тихо насвистывал, и затем она услышала еще какой-то звук.

Шорох, как будто открывали шкаф или что-то тащили по бетонному полу.

Дон непроизвольно затаила дыхание, ожидая, что произойдет в следующий момент.

Неужели он опять войдет в подвал лишь для того, чтобы посмотреть на нее?

Или займется, наконец, тем, для чего он ее сюда затащил?

Но когда нападение началось, оно было настолько неожиданным, таким чудовищным, что Дон Сандерсон закричала, несмотря на свои перетруженные голосовые связки.

Сначала только странное щекотание, которое через несколько секунд перешло в ощущение жжения, как будто у ее ног разложили костер.

Она попыталась поднять ноги, подтянув колени к груди. Теперь вся тяжесть тела приходилась на руки, и она услышала отвратительный звук, с которым порвались связки ее правого плеча, и она снова закричала, несмотря на дикую боль в горле.

Ощущение жжения распространялось вверх по ее ногам, затем она почувствовала что-то еще.

Что-то теплое, вязкое, стекающее по ее ногам и капающее с пальцев.

Кровь!

Паника охватила Дон. Она заметалась, пытаясь освободиться от веревок и убежать от своих невидимых врагов, но через несколько секунд ужас и агония захватили ее полностью и она погрузилась в бессознательное состояние.

И пока она была без сознания, враги продолжали свою работу, медленно пожирая ее, клетку за клеткой.

Глава 5

Солнечный свет, вливавшийся через окно, разбудил Карен. Прозрачные белые занавески колыхались от легкого бриза, который ласкал ее лицо.

Прошла неделя с тех пор, как она вышла замуж за Расселла, и шесть дней, как они привезли домой из больницы в Сан-Луисе Молли, полностью восстановившуюся после пчелиного укуса.

Но только сегодняшним утром она действительно почувствовала, что воспринимает ферму как свой родной дом.

Карен потянулась и снова расслабилась в уюте постели на несколько мгновений, наслаждаясь звуками и запахами, доносившимися через открытое окно, с удовольствием рассматривая лазурно-голубое небо, не затронутое даже намеком на смог, который был неотъемлемой чертой Лос-Анджелеса.

Она повернулась, чтобы посмотреть на часы.

Уже шесть.

Расселл встал час назад, встретился с Кевином и Отто, чтобы распланировать работу на день, и теперь уже принялся за дело.

Молли и Джули тоже уже встали, выведя лошадей на пастбище, очистили стойла, а также накормили и напоили остальных животных.

Все налаживалось примерно так, как Карен и планировала. Ведь она не теряла надежды даже в первые несколько дней до свадьбы, когда все, казалось, шло наперекосяк и она начинала думать, что две их семьи никогда не смогут объединиться в одну. Но с тех пор, как они с Расселлом привезли Молли из больницы, все наладилось довольно быстро. Помогло, конечно, прежде всего то, что вся семья теперь находилась под одной крышей, за исключением Отто, который жил отдельно в своем собственном доме, где мог молчать и возмущаться сколько угодно. По крайней мере, теперь он лишился возможности отравлять атмосферу в доме Паулы, как он его называл.

Этот дом больше не был домом Паулы Оуэн. С каждым днем Карен чувствовала, что он становился больше и больше ее собственным домом. Сразу после приезда Карен ощущала себя попавшей в какую-то кошмарную инсценировку «Ребекки», в которой Отто играл роль миссис Дэнверс. Но Расселл делал все возможное, чтобы она чувствовала себя на ферме свободно, и постепенно она стала обживать большой дом, внося в его уклад небольшие изменения, расставляя свое имущество и передвигая мебель.

Сначала она побаивалась оскорбить чувства Кевина, внося изменения в дом, который был устроен его матерью, но на вносимые ею перемены он реагировал только положительно, а позавчера даже попросил ее помочь ему выбрать новую мебель для его комнаты. Улучив момент, чтобы отец не слышал, он сказал ей:

– У мамы были очень странные идеи о том, как должна выглядеть моя комната.

А когда Карен со слезами на глазах поблагодарила за хорошее отношение к ней, он покраснел и убежал.

Это был ее дом, ее семья, и Отто не удастся отравить атмосферу, как бы он ни старался.

Даже Джули практически перестала жаловаться на неблагоприятные перемены в ее жизни. Частично, конечно, из-за лошади. Она почти все время проводила с Гретой и с Кевином, который учил ее ездить верхом.

Вместе с тем Джули почти не говорила с Отто и, очевидно, не собиралась заключать мир со стариком.

Карен встала, приняла душ и быстро оделась, мысленно стараясь вспомнить, что из остатков еды в холодильнике можно использовать на завтрак. Она надела свой стандартный рабо-

чий костюм: джинсы и одну из рубашек Расселла, которые он хотел выбросить, когда начал очищать шкафы спальни, чтобы освободить место для ее одежды. Спускаясь вниз, она уже решила, что приготовит омлет с остатками ветчины от свадебного приема и с зеленым луком, который заметила в огороде еще на прошлой неделе. Тихонько напевая про себя, она вошла на кухню и внезапно остановилась, оборвав легкомысленную мелодию.

За кухонным столом сидел Отто Оуэн с чашкой кофе в руках и мрачно смотрел на нее глубоко посаженными глазами.

Впервые со дня свадьбы он переступил порог этого дома, хотя Расселл пытался убедить ее, что его отсутствие связано с желанием предоставить ей возможность побыть одной. Но Карен в это не верила. И теперь первые же слова Отто подтвердили ее правоту.

– Когда Паула была жива, у нее всегда был готов завтрак, когда Расселл спускался вниз.

Карен почувствовала прилив гнева, великолепное настроение, переполнявшее ее с утра, исчезло. Но она постаралась не повышать голоса, чтобы не дать повода для ссоры.

– Полагаю, она была лучшей женой, чем я, – ответила она. – Я все еще не привыкла вставать раньше солнца.

Через заднюю дверь вошла Джули и остановилась, увидев Отто, бросила на мать вопрошительный взгляд. Надеясь, что Отто не заметит их молчаливый обмен взглядами, Карен закатила глаза, чтобы показать Джули, что Отто вступил на тропу войны. Однако Отто все заметил.

– Я не слепой и не глухой, – проворчал он, не сводя глаз с Карен, которая стала готовить омлет. – Нечего держать их в холодильнике, – продолжал он. – Свежие яйца прекрасно сохраняются и без холодильника. Конечно, вы привыкли к яйцам из магазина, а они попадают к покупателям только через неделю и лишь называются свежими.

Он выпил свой кофе и протянул чашку, чтобы ее наполнили еще раз.

Карен взглянула на кофейник, стоявший на дальнем конце стола, ближе к Отто.

Он что, действительно ожидает, что она бросит все дела, чтобы наполнить его чашку?

Ведь он же не инвалид, слава богу!

Карен открыла рот, готовая спросить, не стал ли он инвалидом за эту ночь, но передумала. Он просто старик, напомнила она себе. Он очень консервативен, и единственные женщины, которых он видел в своей жизни, были фермерши. Промолчав, она взяла чашку Отто и, наполнив ее, вернула ему. Джули с потемневшими от гнева глазами хотела что-то сказать Отто, но Карен подала ей сигнал воздержаться.

– Ты тоже хочешь кофе, Джули? – спросила она, когда Отто взял свою чашку без слов благодарности.

– Спасибо, мама, – ответила Джули, глядя на старика, который, казалось, не замечал ее возмущенного взгляда. – Я могу сама о себе позаботиться.

Взяв кофейник у Карен, она направилась к столу, на ходу изображая, что поливает кипящей жидкостью голову Отто, когда проходила сзади него.

Карен как раз начала жарить омлет, когда остальная семья ввалилась на кухню.

– Ага, мы слишком рано, – сказал Расселл, целуя Карен в щеку и направляясь к раковине, чтобы вымыть руки.

– Это я опоздала, – извинилась Карен. – Кевин, помоги, пожалуйста, Джули накрыть на стол. Апельсиновый сок в холодильнике и джем, кажется, тоже остался там. Если нет, принеси новую банку джема из кладовой.

– А мне что делать? – спросил Расселл.

– Сделай тосты, пока я закончу омлет.

Поколебавшись, она взглянула на Отто.

– Вы позавтракаете с нами?

Отто нахмурил брови:

– Нет, если вы хотите меня тоже заставить работать. Я не против выполнять женскую работу, когда в доме нет женщины...

Расселл хотел прервать отца, но тут вмешалась Джули, ее притворно-ласковый тон сразу привлек внимание всех на кухне.

– Ну что вы, мистер Оуэн, разве мы можем просить мужчину делать что-либо на кухне? Вы, пожалуйста, сидите и дайте нам возможность услужить вам.

Она быстро поставила перед ним тарелку с первой порцией омлета.

– Молли, ты тоже женского рода, поэтому налей, пожалуйста, мистеру Оуэну апельсинового сока. Пожалуйста, не наливай стакан слишком полным, а то он разольет его, и нам придется потом за ним убирать.

Молли, не совсем поняв игру, но полная желания принять в ней участие, поспешила к холодильнику.

Понимая, что развязка ссоры между его дедом и тремя новыми членами семьи подошла к решающей фазе, Кевин отодвинулся от стола, чтобы лучше видеть, что происходит. Карен уже хотела прекратить игру Джули, прежде чем она зайдет слишком далеко, но, взглянув на Расселла, получила от него молчаливый сигнал не мешать. Джули поставила омлет перед Отто.

– Будете кушать сами, господин Оуэн, сэр? – спросила она с преувеличенной вежливостью. – Если нет, то я с радостью помогу вам.

Когда она уселась на стул рядом с Отто и начала резать его омлет на кусочки, Карен решила, что игра зашла слишком далеко.

Но прежде чем она успела что-нибудь сказать, Кевин и Расселл расхохотались.

Лицо Отто покраснело, на лбу вздулись вены. Он выскочил из кухни, громко хлопнув дверью.

Джули тоже рассмеялась, но внезапно замолчала, увидев недовольное выражение на лице матери.

– Но ведь он вел себя так, как будто ты здесь служанка... – начала она.

– Я могу сама за себя постоять, – оборвала ее Карен.

– Да ладно, – сказал Расселл, но на этот раз его прервала Карен, сделав знак не вмешиваться.

– Он пожилой человек, и нам его уже не переделать, – сказала Карен дочери. – Все, что от нас требуется, – быть снисходительными к нему и надеяться, что люди будут снисходительны к нам, когда мы состаримся.

Ответ уже вертелся на языке Джули, но она сдержалась. Спорить было бесполезно.

– Ну что ж, я пойду и извинюсь перед ним... – сказала она, намеренно сделав паузу в надежде, что мать возразит.

– Пожалуй, ты права, – кивнула Карен.

– Я пойду с тобой, – предложил Кевин, когда Джули направилась к задней двери.

– Не нужно, – остановила его Карен. – Джули сама создала себе сложности и теперь пусть сама из них выбирается, а мы пока продолжим завтрак.

Когда Джули вышла в поисках Отто Оуэна, Карен начала подавать омлет на стол.

* * *

Карл Хендерсон как раз делал поворот к ферме Оуэнов, когда увидел, как Джули, Расселл и Молли шли от конюшни к кухонной двери.

Отто, по-видимому, был уже там или в своем доме, если пребывал в том же настроении, что и всю последнюю неделю.

Это означало, что на пасеке никого не было и он может пробыть там сколько нужно, без каких-либо вопросов с их стороны.

Он припарковал свой джип на дороге, расположив его так, чтобы тот не был виден из окон дома, затем открыл сумку и достал маленький коричневый пузырек, который наполнил в своей лаборатории только прошлой ночью.

По мнению Хендерсона, работа не займет более получаса, поскольку он уже определил ячейки с пчелиными матками в половине из трех дюжин ульев на ферме Оуэнов. Эти ячейки легко отличить, так как они были значительно крупнее, чем другие, и их всего несколько штук на каждый улей.

Одной капли на каждую ячейку будет вполне достаточно, и потом нужно только ждать.

Ждать, наблюдать и помечать новых маток, когда они выведутся.

Если он прав и содержимое пузырька сработает, Карл Хендерсон станет героем.

Если эксперимент провалится, ничего вообще не случится, и он продолжит работу в своей частной лаборатории, создавая новые растворы до тех пор, пока не найдет решения проблемы.

Проблема.

Она была у всех на устах и писалась заглавными буквами, как заголовок кинокартины.

Все началось три года назад, когда «Юнигроу» выпустила новый сорт удобрений, который, по уверению компании, удваивал урожай кормовых трав. Удобрение прошло все возможные и невозможные проверки, и не удалось обнаружить никаких проблем, не говоря уже о проблеме с большой буквы.

Удобрение казалось самым совершенством, не содержа в себе ничего вредного для живых существ и никаких загрязнителей, способных отравить воду или почву.

Удобрение, абсолютно нейтральное к окружающей среде.

И удобрение не вредило пчелам, это показала одна из первых проверок, поскольку выращивать кормовые травы, как и большинство других злаков, без пчел невозможно.

Карл сам проводил пчелиные тесты и был так же полон энтузиазма, как и все остальные.

Он также был первым, кто несколько месяцев спустя обнаружил большой недостаток нового удобрения: оно не убивало пчел, но делало их стерильными. Постепенно все ульи в регионе вымерли. И год спустя это стало проблемой с большой буквы.

Уже два года фирма «Юнигроу» искала решение этого вопроса, но так и не нашла его до сих пор.

Карл Хендерсон тем временем проводил собственные исследования в своей лаборатории, пытаясь применить все знания, накопленные им за годы учебы и экспериментов. Возможно, что содержимое коричневого пузырька, который он держал в руке, и было решением проблемы, которое так долго искали.

Биологическое решение биологической проблемы.

Если все пойдет так, как надо, то пчелиные матки, обработанные лекарством, начнут производить пчел, не подверженных действию удобрения, и пчелы перестанут вымирать.

И тогда «Юнигроу» будет освобождена от бремени ежесезонной поставки новых ульев на смену вымерших, и, кроме того, ей не придется платить колоссальные суммы местным фермерам, на чьих полях применялось удобрение и которые в связи с этим обратились в суд, требуя возмещения убытков.

Вместо этого компания начнет получать прибыли от нового удобрения, которое будет продаваться с новой породой пчел, выведенной Карлом Хендерсоном. И Карл Хендерсон, нашедший решение проблемы, получит по крайней мере определенный процент от этих прибылей.

Проблема будет решена, и все будут счастливы, если лекарство сработает. Хендерсон был не совсем уверен в успехе. Предыдущая вакцина, с которой он экспериментировал, привела к повышенной ядовитости пчел.

Карл знал, что Молли Спеллман среагировала как раз на этот новый яд на прошлой неделе, но он был достаточно осторожен, чтобы не противоречить врачам, предположившим, что у девочки просто очень сильная аллергическая реакция на обычный пчелиный укус. Девочка поправилась, так что ничего страшного не случилось, и Хендерсон был почти уверен, что его новая формула не будет иметь никаких побочных эффектов.

Осторожно достав шприц из футляра, Карл наполнил его, снова положил в футляр и опустил футляр в один из карманов рубашки.

Оставив джип незакрытым, он направился к пасеке, которую сам же разместил в самом дальнем конце фермы, чтобы ее не было видно из дома.

На пасеке было тридцать шесть ульев, расположенных тремя рядами по двенадцать ульев в каждом. На некоторых ульях были пометки, указывающие на то, что там содержатся пчелиные матки, которых он планировал обработать. Убедившись, что за ним никто не подглядывает, он приступил к работе.

Открыв один из ульев, он быстро нашел ячейку, содержащую пчелиную матку, которую пометил на прошлой неделе. Хендерсон осторожно проколол восковую пробку иглой шприца и ввел в ячейку каплю жидкости из коричневого пузырька. Удалив иглу из ячейки, он залепил крошечное отверстие кусочком воска. Как только он опустил рамку назад в улей, пчелы тут же облепили ее, продолжая свою работу и тем самым полностью скрывая следы его вмешательства.

А содержимое раствора внутри ячейки будет продолжать воздействовать на пчел. Если все сработает, как задумано, потомство этой матки будет свободно от вредного воздействия удобрения.

Если этого не случится, матка просто погибнет, а Хендерсон вернется в свою лабораторию, чтобы продолжить эксперименты.

Закончив с первым ульем, Хендерсон направился ко второму. Он уже готовился снять его крышку, когда сзади послышался какой-то звук.

Это был слабый возглас.

Возглас, который люди издают, если сталкиваются с чем-то непредвиденным. Или пугающим.

Карл Хендерсон выпрямился и затем медленно повернулся, чтобы увидеть, кто был позади него, уже готовый объяснить свое присутствие здесь необходимостью обычной проверки ульев.

У него самого перехватило дыхание, когда он узнал Джули Спеллман. Эта была их первая встреча со времени свадьбы, и сейчас, глядя на нее, он почувствовал, что руки его сжимаются в кулаки. Как и тогда, ее длинные черные волосы свободно лежали на спине, а темные глаза смотрели на него так же, как во время свадьбы.

Он попытался совладать со своими эмоциями.

Не смей, говорил он самому себе. Даже близко не подходи к ней. Не прикасайся к ней и даже не смотри на нее!

Но он не мог заставить себя не смотреть на нее.

Его взгляд был прикован к ней, и в глубине его сознания начал сгущаться мрак.

Чудовищный мрак, наполненный безымянными ужасами, которые попытались захватить его в плен.

Он уже чувствовал когти страха, глубоко вонзающиеся в его душу, и слышал издевательский смех.

Это был смех из прошлого, так же как и страх, который переполнял его, был ужасом из прошлого. Этот смех вызвал у Карла Хендерсона слепую ярость, и, хотя он не мог восстановить в своем сознании источника ни смеха, ни ярости, он знал, чем все это кончится.

Шепчущие голоса призывали его дать выход своей ярости. Ему хотелось послушаться их, чтобы они вели его, чтобы они показали ему, как утолить свою ненависть.

Но это было невозможно!

Эта девушка знала его.

И что еще хуже, ее мать и отчим также знали его.

Если он поддастся демонам, которые жили в нем, поддастся холодной ярости и глубокой ненависти, которую он держал в себе столько лет, его секреты будут разоблачены.

Все узнают, что они заставляют его делать.

И хотя Хендерсон пытался бороться против мрака, охватывающего его, битва была проиграна, так как его глаза оставались прикованными к Джули. Он не мог оторвать взгляд от ее лица, которое дразнило его, издевалось над ним, подвергало его пыткам.

Темнота сомкнулась вокруг него, и его уши наполнились знакомым жужжанием, которое преследовало его в кошмарах с самого раннего детства.

Когда он начал приближаться к ней, его глаза светились тем же странным блеском, который до смерти напугал Джули несколько дней назад.

Джули инстинктивно отступила, когда увидела, что Карл Хендерсон направляется к ней.

– Я ищу мистера Оуэна, – сказала она.

– Его здесь нет, – произнес Хендерсон таким зловещим голосом, что Джули вздрогнула. – Здесь только я и ты.

Сначала Джули ничего не могла понять. Он смотрел на нее ненавидящим взглядом, хотя совершенно не знал ее, он смотрел на нее так же, как во время свадьбы.

Она сделала шаг назад, но Карл Хендерсон внезапно схватил девушку за руку, удерживая ее.

– Немедленно прекрати, прекрати смеяться надо мной!

Глаза Джули расширились от страха. О чем он говорит? Она и не думала смеяться над ним. Она даже не знала, кто он такой, когда впервые его увидела!

– Я не смеюсь, – начала она, пытаясь освободиться от его рук.

– Нет, ты смеешься! – зарычал он. И свободной рукой ударил ее по лицу. – Ты всегда смеешься надо мной! Всегда!

Крик ужаса вырвался у Джули, когда ладонь Карла Хендерсона ударила ее по щеке.

– Нет, – сказала она заикаясь. – Я искала мистера Оуэна, я только хотела...

Но Карл Хендерсон не слышал ее. Его сознание было заполнено только образом Джули и его собственной яростью, которая принуждала его, шептала ему, приказывала ему поступить с ней так же, как когда-то она поступила с ним.

«Темнота, – шептали ему голоса. – Посади ее в темноту вместе с другой. Сделай с ней то же, что она сделала с тобой. Сделай это немедленно. Здесь никого нет... Никто не увидит... Ты должен это сделать, Карл...»

Схватив Джули еще крепче за руку, Карл развернул ее, и она упала на землю.

Она почувствовала, как Хендерсон упал на нее, и теперь его вес не давал ей вырваться. Она почувствовала, как его руки смыкаются на ее горле.

– Нет! – закричала она снова. – Нет!

Отто Оуэн вышел из своего дома. Его гнев прошел. И, если сказать честно, он слышал, как несколько минут назад Джули постучала в его дверь, и знал, зачем она здесь: пришла извиниться.

Но Отто отказался выслушать ее и даже притворился, что его нет дома, хотя она, по видимому, знала, что он дома.

И фактически Джули не была плохим ребенком. Теперь дети были гораздо более избалованными, чем в его время. Но кто в этом виноват? И если кто-то и виноват, то скорее Карен,

чем Джули. Все зависело от того, как девочку воспитывали. И если уж совсем начистоту, он вовсе не считал Карен плохой матерью, хотя ни за что не признался бы в этом.

А кроме того, даже сейчас, когда ему скоро уже восемьдесят, Отто помнил, что в возрасте Джули ему несколько раз хотелось повздорить со своим дедом.

Во всяком случае, он не собирался притворяться, что ему нравится происходящее на ферме. Все складывалось не так, как надо.

Всю свою жизнь Отто гордился тем, что его ферма работала как часы. Оуэн и его отец, а потом он и Расселл работали на полях, ухаживали за животными, а его мать, потом его жена, Эмили, а после этого жена Расселла, Паула, заботились о доме.

После смерти Эмили Паула взяла на себя заботу о доме. И никогда не жаловалась, просто выполняла свой долг.

Конечно, после ее смерти ему, Расселлу и Кевину пришлось самим заниматься домашним хозяйством. И нельзя сказать, чтобы он возражал против женитьбы Расселла. Кто-то ведь должен делать всю работу по дому!

Он ждал целую неделю, надеясь, что рано или поздно Карен придет в его дом и предложит навести там порядок, но она так и не появилась, так что этим утром он сам пошел к ней, чтобы поговорить на эту тему. Но она была почти невежлива с ним.

Он видел, как она посмотрела на него, когда он попросил ее налить чашку кофе!

Конечно, кофейник находился всего на расстоянии двух футов от него, а Карен была очень занята.

Может, он и сам мог бы налить себе кофе.

Если уж быть совершенно честным, ему следовало это сделать самому.

Внезапно он усмехнулся, вспомнив сцену, которую разыграла Джули. Он вспомнил, что когда-то давно Эдна Гилмор сказала ему, что Карен уехала в Лос-Анджелес, чтобы стать актрисой.

Но из сегодняшней утренней сцены было ясно, что настоящий талант актрисы был у Джули.

Отто стоял на заднем крыльце своего дома, оглядывая пустой двор. Джули нигде не было видно. Он был сварливый старик и вел себя с ней так же грубо, как и она. Но она хотела извиниться, и он предоставит ей этот шанс.

Но куда же она исчезла?

Он посмотрел на дом сына. Может, она вернулась туда?

Но если она не знала, что он был в своем доме, то, наверное, продолжает искать его.

Он направился в сторону конюшни, но остановился, увидев машину, припаркованную у въезда на ферму. Это был джип Карла Хендерсона. Поглядев на машину, он снова разозлился. Какого черта здесь надо Карлу Хендерсону?! Если он приехал на ферму, то почему не поговорил с Расселлом?

Затем он понял причину приезда Карла Хендерсона. Хендерсон часто делал что-то на их пасеке.

Мало Хендерсону и его компании было уничтожить его собственные ульи? Старик еще больше разъярился, когда вспомнил, что случилось после того, как Расселл разрешил «Юнигроу» обработать их поля новым удобрением, несмотря на возражения Отто.

После того как ульи вымерли, Расселлу следовало просто выгнать Хендерсона со своей фермы. Но Расселл продолжал сотрудничать с «Юнигроу».

Иногда Отто даже сомневался в умственных способностях своего сына.

Сердито нахмурившись, он направился в сторону пасеки по краю поля. Обойдя большую грудку камней, которые его отец убрал с поля еще до его рождения, он заметил Карла Хендерсона.

Но он не занимался ульями.

Он лежал на земле поверх Джули Спеллман, которая пыталась вырваться.

Отто бросился к ним, насколько позволял его преклонный возраст.

– Хендерсон! – закричал он. – Черт бы тебя побрал!

Крик Отто Оуэна прорезал темноту, окутавшую мозг Карла Хендерсона. Он отпустил Джули и вскочил.

– Мистер Оуэн! – закричала Джули, с трудом поднимаясь. – Помогите мне!

Отто возмущенно смотрел на Карла Хендерсона, торопливо приближаясь к нему, зная совершенно точно, что тот задумал.

– Я не собирался делать ничего плохого, – сказал Карл быстро. – Просто она упала, и я...

Гнев переполнял Отто. Он кинулся к Хендерсону, схватив его за грудки двумя руками.

– Ты думаешь, я слепой, Хендерсон? Я все видел, и тебе придется сесть в тюрьму, сукин сын. Ты знаешь, сколько лет этой девочке?

Карл Хендерсон оттолкнул Отто, освободившись от его рук. И через секунду, сжав кулаки, набросился на Отто.

Джули, чувствуя, что ее ужас сменился на ярость, бросилась на Хендерсона, чтобы оторвать его от Отто.

Пытаясь освободиться от ее захвата, Хендерсон толкнул ее, и Джули, потеряв равновесие, упала на один из ульев. Пчелы тут же вылетели из улья и начали сердито кружиться вокруг нее.

– Осторожно, Джули! – закричал Отто. – Вставай и беги!

Джули вскочила и, размахивая руками в тщетной попытке защититься от пчел, попыталась убежать от атакующих ее насекомых. Она метнулась в сторону Отто и Хендерсона, но потом развернулась и помчалась в противоположном направлении. Когда она пробежала около тридцати ярдов, пчелы оставили ее в покое и стали возвращаться к перевернутому улью, вокруг которого продолжали кружиться тучи насекомых.

Полученные ею три укуса уже начинали зудеть. Джули повернулась к Отто и Карлу, но, не сделав и нескольких шагов, почувствовала, как подгибаются колени.

– Джули? – услышала она голос Отто Оуэна. – Что с тобой?

Она слышала голос старика как бы с большого расстояния. Открыла рот и попыталась крикнуть, но не смогла, и упала на землю.

Отто в шоке посмотрел на девочку.

– Боже мой, – сказал он, – что ты с ней сделал?

Мысли Карла Хендерсона застревают в попытке найти подходящее объяснение.

Если Отто расскажет, что он видел, и Джули подтвердит его слова...

Кровь Хендерсона застыла в жилах, когда он осознал, что случится.

Если обыщут его дом и найдут...

Нет! Этого нельзя допустить! Если они найдут то, что было в его доме, он обречен на пожизненное тюремное заключение.

Он посмотрел на Джули и внезапно осознал, что выход все же имеется.

Потому что состояние Джули, так же как и Молли неделю назад, было реакцией на пчелиный укус.

Причем состояние Джули было гораздо тяжелее, чем у ее сестры.

Если она умрет, никто не поверит Отто, что бы он ни говорил. Все в городе знали, как сильно старик ненавидел его.

Но если ему удастся создать впечатление, что он пытался спасти жизнь Джули...

– У нее шок, – сказал он Отто, наклонившись и поднимая тело Джули, потерявшей сознание. – Ее необходимо быстро доставить в клинику.

Держа Джули на руках и считая, что он уже нашел выход из своего безвыходного положения, Карл Хендерсон зашагал к своему джипу.

Отто последовал за ним, стараясь не отставать от быстрой походки Хендерсона.

– Ты никуда ее не повезешь! – протестовал он. – В особенности после того, что ты пытался с ней вытворить!

Хендерсон посмотрел на старика, старательно изобразив на лице изумление.

– О чем ты говоришь, Отто? – начал он. – Все, что я хотел сделать...

– Ты пытался изнасиловать ее, проклятый извращенец! – закричал Отто. – Я видел!

Они подошли к джипу, и, уложив Джули на заднее сиденье, Карл Хендерсон холодно взглянул на Отто.

– Ты сам не знаешь, что ты видел, Отто, – сказал он, – но я тебе объясню, слушай внимательно. Опять что-то произошло с пчелами, Отто, вот почему у детей Карен такая сильная реакция на их укусы, я пытался взять образец пчел для того, чтобы выяснить, что с ними происходит! – Посмотрев на онемевшего от негодования Отто, Хендерсон улыбнулся. – Если ты попытаешься кому-нибудь рассказать другую версию, никто тебе не поверит. Они подумают, что ты просто идиот, выживший из ума от старости.

– Джули знает, что ты пытался с ней вытворить, – ответил он, – когда она очнется...

– Если она очнется, – прервал его Хендерсон.

Он включил мотор и, отъезжая, услышал, как старик закричал ему вслед.

– Я обращаюсь в полицию, Хендерсон! – кричал старик. – Ты сядешь в тюрьму, подонок.

Слова Отто все еще звучали в его ушах, когда Карл Хендерсон, следя за дорогой, обдумывал план своих действий. Если Джули очнется...

Он оглянулся на заднее сиденье.

Девочка была без сознания, и ее дыхание становилось все более и более затрудненным.

Если он замедлит скорость и она умрет, не доехав до клиники...

Но он не может замедлить скорость, если хочет создать впечатление, что сделал все возможное, чтобы спасти ее жизнь.

Для этого необходимо доставить ее в клинику, где ею займется Элен Филмор. Возможно, что кто-нибудь с фермы уже звонит ей.

Элен спросит у него про антивенин, который он обещал доставить ей. Антивенин находился в его портфеле.

И она знала, что лекарство находится в его портфеле, потому что он сказал ей об этом вчера, когда она звонила ему, чтобы ускорить доставку лекарства.

Элен Филмор введет антивенин Джули, и через несколько минут ее дыхание вернется к норме, цвет лица восстановится и отек начнет проходить.

Она очнется.

И она начнет говорить.

Карл Хендерсон продолжал обдумывать свое положение, даже когда въезжал во двор клиники.

И когда его машина остановилась, ответ неожиданно пришел сам собой.

Ответ был прост и элегантен.

И он давал гарантию, что Джули Спеллман никогда не очнется.

Глава 6

– Я убью его, Расселл, – сказала Карен. – Если Отто говорит правду, клянусь, я убью его собственными руками!

Они ехали в «крайслере» Расселла, она на переднем сиденье с мужем, а Кевин и Молли сзади. Впереди она уже видела здание клиники. Всего неделю назад она совершила точно такую же поездку с точно такой же целью.

Пчелиный укус.

Сначала была Молли, которая чуть не умерла.

А теперь Джули, и она без сознания.

И если верить Отто, то Джули еще и изнасилована.

Они встретили Отто у выезда с фермы, куда они все четверо были привлечены его криками, внезапно заглушенными ревом отъезжающей машины. Когда они подошли к Отто, джип Карла Хендерсона был уже далеко.

Карен в ужасе выслушала рассказ Отто о том, что случилось. Вне себя от возмущения поведением Хендерсона она даже не хотела ждать, пока Расселл позвонит Элен Филмор домой, чтобы предупредить ее, что Джули уже на пути в клинику. Когда они сели в машину, Расселл попытался успокоить ее.

– Давай не будем торопиться с выводами, – сказал он. – Я просто не верю, что Карл...

– Никто никогда не верит, – прервала его Карен, холодным взглядом глядя на дорогу. – Именно поэтому извращенцы так долго действуют безнаказанно! Но Отто видел изнасилование! – Она сердито повернулась к Расселлу, но, увидев, что Молли, сидя на заднем сиденье рядом с Кевином, внимательно слушает каждое ее слово, замолчала.

Она вспомнила слова Отто.

– Я лучше не поеду, – сказал он. – Если я увижу этого подлеца Хендерсона, вам придется удерживать меня от убийства! Поезжайте и позаботьтесь о Джули. А я позвоню Марку Шеннону, я обещал Хендерсону, что обеспечу ему солидный срок в тюрьме и, клянусь богом, я это сделаю. И, кроме того, мне надо подправить улы.

«Пчелы, – подумала Карен. – Пчелы, которые почти убили Молли на прошлой неделе и Джули сегодняшним утром».

– Нам надо избавиться от пчел, – произнесла она, неохотно оставляя тему о Карле Хендерсоне.

Расселл покачал головой.

– Мы не можем избавиться от пчел, они нужны нам.

– Нужны? – спросила Карен. – После того, что произошло, да как ты можешь...

– Пожалуйста, успокойся, – сказал Расселл, паркуя машину около клиники, рядом с джипом Карла Хендерсона. – Пойдем посмотрим, как обстоят дела.

Карен ничего не ответила, но, выйдя из машины и торопливо направляясь к клинике, она уже решила, что, несмотря ни на какие аргументы Расселла, постарается избавиться от пчел.

К концу этого дня Карл Хендерсон должен сидеть в тюрьме, а пчелам придется покинуть их ферму.

Дверь в клинику была открыта, но в приемной никого не было. Ну конечно! Ведь еще не было семи часов утра!

– Где они? – спросил Кевин. – Почему здесь никого нет?

– Они должны быть в процедурной, – сказал Расселл, направляясь к закрытой двери, за которой слышались голоса. Он вошел туда без стука, и Карен последовала за ним.

Джули лежала вытянувшись на столе, и Элен Филмор, склонившись над ней, проводила осмотр, как неделю назад с Молли.

Карл Хендерсон стоял у полки, которая тянулась вдоль дальней стены, с открытым портфелем в руках.

«Я узнаю правду в тот момент, когда увижу его лицо», – подумал Расселл.

– Карл, – окликнул он тихим голосом.

Карл Хендерсон повернулся. Он знал, что этот момент настанет, и готовился к нему, пока вносил Джули в клинику. Теперь он смотрел на Расселла и Карен и понял по выражению их лиц, что Отто рассказал им обо всем, что видел. Мгновенно он изобразил на своем лице добродушное раздражение: слабая кривая улыбка и безнадежное пожатие плечами.

– По-видимому, Отто рассказал, что я изнасиловал Джули, – сказал он.

Как он и надеялся, его неожиданные слова вызвали у Карен и Расселла полное замешательство. Хендерсон решил этим немедленно воспользоваться.

– Я думаю, что на этот раз он действительно сошел с ума.

Карен открыла рот, чтобы что-то сказать, но затем перевела взгляд на Джули, лежащую на столе. Слова замерли на ее губах, когда она посмотрела на лицо дочери.

У нее было такое же ярко-красное воспаленное лицо, как у Молли неделю назад, и три больших рубца вздулись на ее шее. Глаза закрыты, и дышала она так же тяжело, как Молли.

– Вы ей уже дали лекарство? – спросила она у Элен.

Доктор кивнула:

– То же самое лекарство, которое я дала на прошлой неделе Молли. – Ее глаза продолжали смотреть на Джули. – И так же никакой реакции, как у Молли.

Карен с трудом подавила рыдания, вспомнив страдания Молли в день ее свадьбы. Теперь Джули придется доставить самолетом в Сан-Луис.

Думая об этом, она услышала слова Элен Филмор.

– Давайте антивенин, Карл, – сказала она.

– Пожалуйста, – ответил Карл.

Он достал из своего портфеля и передал Элен Филмор маленький коричневый стеклянный пузырек с резиновой пробкой. Кратко взглянув на длинное слово, обозначающее содержимое пузырька, она посмотрела на Карла.

– Вы уверены, что это то самое лекарство?

– Абсолютно уверен, – ответил Хендерсон. – Мне здорово повезло, что я получил это лекарство в нашем фармацевтическом отделе. Оно пока предназначено только для испытаний в больницах в течение ближайших трех месяцев, но, когда я рассказал им о Молли, они дали мне это лекарство на случай, если Молли опять укусит пчела.

Но Элен Филмор все еще колебалась. Если лекарство не появилось на рынке, это означало, что Министерство здравоохранения еще не дало разрешения на его выпуск. И если что-нибудь случится...

В это время у Джули начались судороги, и ее дыхание становилось все более и более затрудненным, как у Молли, перед тем как ей ввели воздуховод.

Приняв решение, Элен Филмор достала шприц и, проколов иглой резиновую пробку пузырька, набрала полный цилиндр лекарства. Затем она ввела иглу в руку Джули Спеллман и нажала на поршень.

Все замерли в ожидании.

В течение долгой минуты не было никакой реакции.

Потом Джули вздрогнула, и ее грудь высоко поднялась в борьбе за глоток воздуха.

Элен Филмор взяла в руки воздуховод, который лежал рядом с ней.

– Она умирает? – спросил Хендерсон тихо, стараясь не показать чувства, бушевавшего в его груди.

«Умри Джули, умри, и я буду спасен!»

Не только спасен, но и чудовища, владевшие его сознанием, удовлетворятся на какое-то время.

– Я думаю, все будет в порядке, – ответила доктор, – но нам может снова понадобится ваш самолет. – Она еще раз посмотрела на Джули и покачала головой: – Если перенесет перелет, – добавила она так тихо, что только Карл слышал ее слова.

– Подержите ее голову, Расселл, – попросила Элен и приблизилась к лицу Джули.

Расселл занял позицию у головы Джули, готовый удерживать ее. Карен, с бледным от волнения лицом, взяла Джули за руку.

– Держись, девочка, – прошептала она. – Ты справишься, Джули, ты только слушай меня.

Элен Филмор уже приготовилась вставить в горло Джули воздуховод, как вдруг что-то изменилось.

Вишнево-красный цвет ее кожи начал постепенно бледнеть и опухоль на шее спадать.

Она начала дышать медленнее и ровнее.

Через десять секунд глаза Джули открылись, и она села на столе.

– Джули? – вновь пробормотала Карен, не веря чуду, которое произошло у нее на глазах.

Джули, повернувшись, посмотрела на мать. С ней что-то случилось, она чувствовала жар и была как в лихорадке, как в тяжелой лихорадке, когда вы чувствуете то нестерпимый жар, то невероятный холод. Но, дотронувшись до своего лба, она убедилась, что кожа сухая и прохладная.

Но она чувствовала, как холод охватил все ее тело, и задрожала.

Через мгновение ледяные пальцы холода отпустили ее, но подкатила тошнота. Что с ней происходит? Она умирает?

Страшная паника охватила Джули, она пыталась закричать, прося доктора, чтобы та сделала что-нибудь и предотвратила ее смерть.

Но не смогла закричать, потому что почувствовала удушье. «Нет! – мысленно крикнула она. – Ты не умрешь! Расслабься... Сделай глубокий вдох...» Собрав всю свою волю, чтобы преодолеть страх, который охватил ее, Джули снова открыла рот, пытаясь заговорить, несмотря на ужасающее удушье, которое снова подступило к ее горлу.

– Я, – начала она, – я... – Она протянула руку, которую Карен инстинктивно схватила.

– В чем дело? – спросила Карен. – Джули, что с тобой?

Джули снова попыталась заговорить, и, когда наконец ей это удалось, она сама не поверила своим словам.

– Все в порядке, – услышала Джули свой голос.

Соскользнув со стола, она встала. Мать тут же подскочила к ней. Джули охватила волна головокружения, которая прошла так же быстро, как и лихорадка.

– Я хочу в туалет.

Снова чувствуя прилив лихорадки и приступ тошноты, Джули вырвалась из объятий Карен и поспешила в направлении туалета. Карен последовала за ней.

Молли и Кевин стояли у двери. Когда Джули проходила мимо них, ее младшая сестра посмотрела на нее и спросила:

– Они будут держать тебя в больнице целую ночь, так же как и меня?

Находясь на грани обморока, Джули остановилась и снова сказала совершенно не то, что чувствовала.

– Со мной все в порядке.

Сдерживая приступ тошноты, она пошла дальше.

– Просто мне нужно сходить в туалет. Все будет в порядке, мама, – произнесла она, когда они подошли к двери туалета.

Карен беспокойно посмотрела на дочь.

Неужели она действительно хорошо себя чувствовала? Ведь всего две минуты назад... Джули уже собралась войти в туалет, когда Карен снова вспомнила то, что говорил Отто перед их отъездом.

– Джули, Карл Хендерсон не обидел тебя? – спросила она, кладя руку на ее плечо.

Джули посмотрела недоуменно на мать.

– Обидел? – переспросила она.

Карен заколебалась, делая глубокий вдох. Джули уже почти шестнадцать, и она не была наивной девочкой.

– Отто сказал, что, когда он нашел вас, было похоже, что Карл Хендерсон пытался изнасиловать тебя.

Глаза Джули расширились. Изнасиловать ее? О чем это мать говорит?

Почему Карл Хендерсон должен вдруг пытаться изнасиловать ее?

– Мне очень нужно сходить в туалет, мама, я сейчас выйду.

Не дожидаясь ответа матери, Джули вошла в крошечный туалет и закрыла за собой дверь.

Она опустилась на колени на холодный кафельный пол, склонила голову над унитазом, испытывая тошноту, подступающую к горлу. Вот-вот ее должно было вырвать.

Но тошнота прошла так же быстро, как и появилась.

Джули подождала несколько мгновений, затем выпрямилась.

Хотя она чувствовала жар лихорадки, хотя все ее суставы болели, хотя общее ее состояние напоминало тяжелый грипп, выглядела она совершенно нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.